1702

ISSN 2010-6203

XALQARO MUNOSABATLAR

Ushbu sonda

- ПРАВОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ – КОНКРЕТНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ УЗБЕКИСТАНА
- ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕДПРИЯТИЙ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН, УЧАСТВУЮЩИХ В ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕПОЧКАХ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ
- THE EUROPEAN UNION AND CENTRAL ASIA: HISTORICAL OVERVIEW, CURRENT SITUATION AND PROSPECTS

Экз № 1

№3/2018

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

INTERNATIONAL RELATIONS

Alisher Navoiy
nomidagi
O'zbekiston MK

JAHON IQTISODIYOTI VA DIPLOMATIYA
UNIVERSITETI

XALQARO MUNOSABATLAR

FANLARARO ILMIY-NAZARIY JURNAL

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Экз
№ 1

INTERNATIONAL RELATIONS

INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC
AND THEORETICAL JOURNAL

3/2018
(№ 73)

BOSH MUHARRIR: A.A. ABDUVAXITOV

TAHRIR HAY'ATI A'ZOLARI:

Sh.M. Abdullayev, E. Aripov, B. Asadov, M.M. Bahadirov, M.T. Baqoev, B.A. Islamov, A. Kurmanov, M.M. Rahmankulov, N.Sirajiddinov, B. Tursunov, R.F.Farmonov, I.A. Xamedov, U.A. Xasanov, K.Yusupov, S.A. Pulatova

TELEFONLAR: 267-07-41; 268-61-07; FAKS: 267-09-00
TAHRIRIYAT MANZILI: 100113, Toshkent,
Mustaqillik shoh ko'chasi, 54.

Ushbu sonni tayyorlaganlar:

Muharrirlar: L.B. Hodanovich, M.X. Abdulxayrov
Original-maket va dizayn: I.A. Semenyuk

JIDU ruxsatisiz qayta chop etish man qilinadi.
Ko'chirib bosilganda «Xalqaro munosabatlar» jurnali ko'rsatilishi shart.
Tahrir hay'ati fikri muallif fikridan o'zgacha bo'lishi mumkin.
Qo'lyozmalar, suratlar qaytarilmaydi.

Перепечатка статей без разрешения УМЭД не допускается.
При перепечатке ссылка на журнал «Xalqaro munosabatlar» обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикуемых статей.
Рукописи, фотографии, рисунки не возвращаются.

Ushbu nashr 068 raqami bilan qayd etilgan.

Formati 70x100 1/16. Hajmi 8 b.t. Adadi 300 nusxa. Kelishilgan narxda.
JIDUda chop etildi. Toshkent, Mustaqillik shoh ko'chasi, 54.

© Xalqaro munosabatlar, 2018.

МУНДАРИЖА

I. УЗБЕКИСТАН В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
Ўзбекистон замонавий дунёда
Uzbekistan in Modern World

И. Неъматов. Правовое оформление Государственной границы – конкретный результат внешней политики Узбекистана 5

II. ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ
Халқаро ва минтақавий иқтисодиёт муаммолари
Problems of International and Regional Economy

Аъзам Сардор Эркин ўғли. Характеристика предприятий развивающихся стран, участвующих в глобальных цепочках добавленной стоимости 11

С.А. Закирова. Инновации как движущая сила развития экономики страны 33

III. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ДИПЛОМАТИИ
Дипломатия тарихи ва назарияси
History and Theory of Diplomacy

О.П. Кобзева. Вклад согдийцев в развитие международной дипломатии и торговли. Великая согдийская колонизация Шелкового пути 43

IV. ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
Халқаро муносабатлар ва ташқи сиёсат муаммолари
International Relations and Foreign Policy Issues

Kh. Yunusov. The European Union and Central Asia: historical overview, current situation and prospects 58

V. ИНТЕРВЬЮ
Суҳбат
Interview

Г.Н. Ирмухамедова, Е.В. Борисова. О новой специализации "гидовское сопровождение и переводческая деятельность" в УМЭД 75

VI. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ И ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Халқаро тадқиқотлар назарияси, методологияси ва амалиёти масалалари
Issues of Theory, Methodology and Practice of International Studies

Н. Рахматуллаева. О французской школе центральноазиатских исследований 84

VII. ДАЙДЖЕСТ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Хорижий адабиётларнинг қисқача шарҳи
Digest of foreign literature

А. Рахимов. Реформы в Узбекистане. Strategic Comments 92

VII. РЕЦЕНЗИИ
Тақризлар
Book review

У. Хасанов. Рецензия на книгу Иэна Бреммера «Мы против них: провал глобализма». Bremmer Ian. Us vs. Them: The Failure of Globalism. N.Y: Penguin. (2018) 98

IX. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УМЭД 106
Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университетининг илмий ҳаёти
Scientific life of the University of world economy and diplomacy

X. МЕТОДИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ 110
Методик кабинет

И. Неъматов

Правовое оформление Государственной границы – конкретный результат внешней политики Узбекистана

Правовое оформление государственных границ между странами Центральноазиатского региона имеет свои особенности, в том числе предполагает решение задач с несколькими неопределенностями. Разумеется, выработка оптимальных и взаимоприемлемых решений по ним требует неординарных подходов на основе здравого смысла и учета государственных интересов сторон.

Одной из исторических особенностей делимитации и демаркации границ в регионе следует считать совместное сосуществование всех стран Центральной Азии в течение 70 лет в границах одного большого государства – СССР. В тот период не было юридически оформленных демаркированных границ между республиками. Существовали номинальные линии границ, обозначенные на картах различного масштаба, о которых знали только землеустроители местного уровня.

За период существования СССР происходили большие изменения в расположении различных инфраструктурных объектов, земельных участков, гидросооружений, домовладений, садов, дорог, кладбищ и многих других, которые не были закреплены соответствующими правовыми документами. Особо чувствительным в этих изменениях является расположение кладбищ, на которых похоронены граждане разных национальностей. Если на одном кладбище из общего числа похороненных граждан 70% составляли жители одной республики ныне суверенного государства, то на другом могла сложиться обратная картина. Тог-

И. Неъматов, Первый заместитель Министра иностранных дел Республики Узбекистан, кандидат экономических наук.

За период существования СССР произошли большие изменения в расположении различных инфраструктурных объектов, земельных участков, гидросооружений, домовладений, садов, дорог, кладбищ и многих других, которые не были закреплены соответствующими правовыми документами.

да у родственников усопших возникали большие трудности в пересечении границ, особенно в дни поминовения, религиозных праздников и памятных дней. Так образовалось большое расхождение между линиями государственных границ, обозначенных на картах, и фактическим землепользованием.

Подобным изменениям способствовал также волюнтаризм местных чиновников, которые могли договориться с коллегами из соседнего района или области поменять русла ирригационных сетей, построить легкие навесы, проложить небольшие дороги, посадить деревья на чужой территории, не заботясь при этом оформить все это в установленном порядке. Объяснить это можно тем, что все делалось в интересах одного государства, никто не мог предвидеть, что после обретения республиками суверенитета на этих землях придется проводить новые государственные границы. На прежних картографических материалах эти изменения не были обозначены, а новые объекты не показаны вовсе. Так возникали серьезные противоречия между линиями границ, указанными на картах, и фактическим использованием земель, расположением различных объектов на местности.

Второй особенностью, которая тесно связана с первой, стала недостаточность легитимных документов, составляющих правовую основу делимитации и демаркации государственных границ между новыми странами региона. Основными легитимными документами, прошедшими всю процедуру утверждения, можно считать нормативно-правовые акты и картографические материалы, принятые в годы размежевания среднеазиатских республик в 1924-1927 гг.

Третьей, наиболее уязвимой особенностью можно считать строительство водохозяйственных объектов. Большинство гидротехнических сооружений, рассчитанных на режим работы с выпуском воды в период вегетации, т.е. более 80% водных ресурсов, которые использовал Узбекистан как самая большая производящая хлопок-сырец республика, были построены на стыке территорий, где часть объекта находилась на одной стороне, а другая его часть у соседей.

Конечно, земли, отведенные под строительство ирригационных объектов, были компенсированы в установленном порядке принятием специальных постановлений правительств союзных республик и центральных органов бывшего СССР, закреплены решениями об изменении линии границ в соответствии с задачами использования земель.

Для принятия правильных решений по линиям границ вокруг таких водохозяйственных объектов был нужен объективный, непредвзятый подход, учитывающий интересы как одной стороны, так и другой на основе тщательного изучения и признания этих документов.

Еще одной особенностью подтверждения легитимности границ стало проживание приграничного населения в шахматном порядке. Как показывает практика, на одной улице могли расселяться граждане одной страны, рядом – граждане соседней страны. Классическое оформление государственных границ требует отведения 50-метровой пограничной полосы с двух сторон огражденной линии границы. Тогда возникает вопрос – как можно провести разделительные линии границ в таких местах?

В качестве особенности установления границ можно назвать большое число смешанных браков, где в одной семье половина ее членов являются владельцами паспортов одного государства, а половина – другого.

Основными легитимными документами, прошедшими всю процедуру утверждения, можно считать нормативно-правовые акты и картографические материалы, принятые в годы размежевания среднеазиатских республик в 1924-1927гг.

К особенностям установления границ можно отнести то обстоятельство, что на основе документов размежевания среднеазиатских республик нынешняя Кыргызская Республика до 1936 г. находилась в составе Российской Федерации вначале как Кара-Киргизская автономная область, а затем как Киргизская автономная республика. До 1929 г. нынешний Таджикистан находился в составе Узбекской ССР как Таджикская автономная область. Следовательно, по картографическим материалам и нормативно-правовым документам, принятым в те годы, граница между нынешними Узбекистаном и Кыргызстаном была показана как граница между Узбекской ССР и РСФСР. Данное обстоятельство, естественно, создало определенные трудности, потребовало много времени для изучения документов и их использования в работе, учитывая то, что часть материалов, касающихся государственных границ стран Центральной Азии, находится в архивах Российской Федерации.

В качестве особенности данного вопроса проявилось участие отдельных государств региона в деятельности Евразийского Экономического Сообщества (ЕАЭС), поскольку пограничный и таможенный режимы стран-участников ЕАЭС отличаются от других (неучастников). А это, в свою очередь, требует принятия взаимоприемлемых решений для пересечения через пограничные и таможенные пункты граждан и товаров между государством-участником и неучастником ЕАЭС.

Безусловно, перечисленные особенности требовали учета местных условий и специфики региона, без чего нельзя было добиться позитивных результатов в переговорах по делимитации и демаркации государственных границ между странами Центральной Азии.

***Для справки**: переговорный процесс по правовому оформлению Государственной границы Узбекистана со странами региона был начат в 2000 г.*

Период процесса делимитации и демаркации Государственной границы Узбекистана со странами Центральной Азии растянулся на 15 лет, во-первых, из-за отсутствия и поиска компромиссных вариантов с учетом взаимных интересов; во-вторых, из-за превалирования политической конъюнктуры над здравым смыслом; в-третьих, из-за персонифицированного подхода к двусторонним отношениям.

Достижение положительных результатов в вопросах делимитации и демаркации Государственной границы Узбекистана со странами Центральной Азии стало возможным благодаря проведению открытой и добрососедской политики Президента Республики Узбекистан Ш.Мирзиёева в отношении ближайших соседей.

По мнению большинства зарубежных экспертов, действительно, такая свободная от замысловатостей политика позволила найти адекватный подход ко всем указанным особенностям, унаследованным от бывшего СССР, в вопросе о Государственной границе.

Благодаря договоренностям, достигнутым между Президентом Узбекистана и главами соседних стран в ходе двусторонних рабочих встреч и бесед, проведенных в рамках международных организаций, с августа 2016 г. переговоры по делимитации и демаркации Государственной границы нашей страны со всеми государствами региона приняли интенсивный характер и стали непрерывными.

Мощный толчок ускорению и обретению конкретного содержания процесса делимитации узбекско-кыргызской границы и подписанию Договора о границе на ее согласованную часть придала встреча президентов Узбекистана и Кыргызстана в Самарканде 24 декабря 2016 г.

По итогам встречи рабочим группам правительственных делегаций по вопросам границ двух стран были даны поручения по поиску компромиссных вариантов для достижения конкретных результатов по определению линии границы, включая сложные участки с учетом взаимных интересов.

Практически за один год рабочие группы двух стран, состоящие из топографов, геодезистов, землеустроителей, юристов, дипломатов, по-

граничников и представителей профильных министерств и ведомств, провели совместные полевые обследования более 120 участков узбекско-кыргызской границы.

По результатам проведенных полевых работ были подготовлены конкретные предложения по описанию линии границы, которые после согласования с главами государств включены в Договор об узбекско-кыргызской Государственной границе.

Кульминацией всего процесса стало подписание данного Договора в Бишкеке в ходе государственного визита Президента Узбекистана Ш.Мирзиёева в Кыргызскую Республику, состоявшегося 5 сентября 2017 г.

Встреча Президента Узбекистана Ш.Мирзиёева с Президентом Таджикистана Э.Рахмоном на полях саммита глав арабо-мусульманских государств и США в г. Эр-Рияде в мае 2017 г. и договоренности, достигнутые по ее итогам по пересмотру всего комплекса вопросов двустороннего сотрудничества в сторону улучшения, определили характер будущих отношений между Узбекистаном и Таджикистаном. Они также стали поворотным пунктом в ускорении делимитации узбекско-таджикской Государственной границы.

Достижение положительных результатов в вопросах делимитации и демаркации Государственной границы Узбекистана со странами Центральной Азии стало возможным именно благодаря открытой и добрососедской политике Президента Республики Узбекистан Ш.Мирзиёева в отношении ближайших соседей.

Договор между Узбекистаном и Таджикистаном о Государственной границе на ее согласованную часть был подписан 5 октября 2002 г. в Душанбе, которым урегулировано около 85% от общей протяженности линии границы.

По результатам переговоров рабочих групп правительственных делегаций двух стран по вопросам границы, проведенных с мая 2017 г. по февраль 2018 г., в целях реализации договоренностей, достигнутых на высшем уровне, были подготовлены предложения по описанию оставшейся части линии границы.

Договор об урегулировании оставшейся части линии Государственной границы Узбекистана с Таджикистаном подписан 9 марта 2018 г. в Душанбе в ходе государственного визита Президента Республики Узбекистан Ш.Мирзиёева в Таджикистан.

Интенсивные переговоры по демаркации государственных границ на конструктивной основе между Узбекистаном и Казахстаном, а также Туркменистаном продолжаются.

Открытая и добрососедская политика Узбекистана в отношении ближайших соседей, благодаря которой в Центральной Азии созданы

совершенно новый здоровый климат и дружественная атмосфера, а также благоприятные условия для взаимовыгодного сотрудничества между странами региона, заслуживают высокой оценки и встречают полную поддержку авторитетных международных организаций, таких как ОБСЕ и ООН. Примером тому является заинтересованность ОБСЕ и ООН в презентации положительного опыта Узбекистана по урегулированию вопросов границы на полях этих организаций.

Открытая и добрососедская политика Узбекистана в отношении ближайших соседей, благодаря которой сегодня в Центральной Азии созданы совершенно новый здоровый климат и дружественная атмосфера, а также благоприятные условия для взаимовыгодного сотрудничества между странами региона, заслуживают высокой оценки и встречают большую поддержку авторитетных международных организаций, таких как ОБСЕ и ООН.

В 2017 и 2018 г. представители Министерства иностранных дел Узбекистана приняли участие в пяти международных мероприятиях ОБСЕ с участием представителей от более 60 стран, организованных по вопросам государственных границ в Афинах, Вене, Минске (два раза) и Душанбе.

В конце октября и в начале ноября 2018 г. заместитель Генерального секретаря ООН, глава Контртеррористического управления Владимир Воронков и специальный представитель Генерального секретаря ООН, глава Регионального центра ООН по превентивной дипломатии в Центральной Азии (РЦПДЦА) Наталья Герман посетили Узбекистан. В ходе встречи в Министерстве иностранных дел заместитель Генерального секретаря ООН Владимир Воронков подчеркнул, что подписание договоров о границе между Узбекистаном и Кыргызстаном, а также Таджикистаном за исторически короткое время снимает многие имеющиеся проблемы на пути сотрудничества в регионе, является конкретным результатом новой внешней политики, проводимой по инициативе Президента Узбекистана. Он отметил также, что действия руководства Узбекистана являются классическим примером урегулирования сложных вопросов путем переговоров и осуществления дипломатии, что полностью укладывается в нормы и принципы ООН и в дальнейшем будет находить всяческую поддержку от международных организаций.

Глава Регионального центра ООН по превентивной дипломатии в Центральной Азии Наталья Герман сказала, что руководством Узбекистана проведена колоссальная работа по достижению взаимопонимания с соседними странами по такому чувствительному вопросу, как делимитация и демаркация границ, что, в свою очередь, вносит значительный вклад в стабильность Центральной Азии.

Аъзам Сардор Эркин ўғли

Характеристика предприятий развивающихся стран, участвующих в глобальных цепочках добавленной стоимости

В последние десятилетия стремительное развитие международного разделения труда привело к тому, что производство одного и того же товара и связанные с ним процедуры стали осуществляться несколькими странами мира. Благодаря этому в структуре мировой торговли повышается удельный вес промежуточных товаров и компонентов, а также услуг. Развитие Интернета и ИКТ привело к появлению новых видов деятельности, таких как электронная торговля, аутсорсинг и офшоринг. Экономическое развитие в большей мере стало зависеть от инновационно-технологического развития, прямых иностранных инвестиций и деятельности транснациональных корпораций, которые их генерируют. По данным ЮНКТАД, на подобные внутри- и межфирменные глобальные цепочки добавленной стоимости (ГЦДС) уже приходится более 80% объема мировой торговли [1].

К 2009 г. мировой экспорт промежуточных компонентов впервые превысил стоимость экспорта готовых и инвестиционных товаров, составляя 51% торговли промышленными товарами, если не считать торговлю топливом [2]. Эти данные показывают, что ГЦДС на самом деле стали «новой центральной нервной системой мировой экономики» [3].

Мы поставили цель разносторонне изучить особенности предприятий развивающихся стран, интегрированных в ГЦДС. Для этого ис-

Аъзам Сардор Эркин ўғли, канд. экон. наук, доцент Международного Вестминстерского университета в г. Ташкенте.

К 2009 г. мировой экспорт промежуточных компонентов впервые превысил стоимость экспорта готовых и инвестиционных товаров, составляя 51% торговли промышленными товарами, если не считать торговлю топливом. Эти данные показывают, что ГЦДС на самом деле стали «новой центральной нервной системой мировой экономики»

пользованы стандартизированные опросные данные BEEPS (Business Environment and Enterprise Survey – Обзор условий ведения бизнеса и деятельности *предприятий*), приведенные Всемирным банком [4] по предприятиям 138 преимущественно развивающихся стран (см. приложения 1 и 2).

Приведем следующие основные гипотезы, выдвигаемые для детального изучения ГЦДС.

Гипотеза №1. Активно импортирующие и экспортирующие предприятия в развивающихся странах с большей вероятностью имеют международно признанную сертификацию качества производимой продукции, более склонны к организации тренингов для своих сотрудников, общению со своими клиентами/поставщиками через Интернет, получению банковских кредитов и внешнюю аудиторскую проверку, нежели предприятия только экспортирующие и/или импортирующие и/или вовсе неторгующие.

Гипотеза №2. Активно импортирующие и экспортирующие предприятия в развивающихся странах с большей вероятностью имеют и используют иностранную лицензированную технологию, инвестируют в НИОКР, склонны к улучшению бизнес-процессов, предлагают рынку новые виды товаров и услуг.

Гипотеза №3. Активно импортирующие и экспортирующие предприятия развивающихся стран стремятся быть крупными предприятиями, нежели малыми и/или средними.

Гипотеза №4. По таким показателям, как производительность труда, средняя зарплата, интенсивность использования навыков, капиталоёмкость, активно импортирующие и экспортирующие предприятия развивающихся стран обычно превосходят другие категории предприятий.

Гипотеза №5. Активно импортирующие и экспортирующие предприятия развивающихся стран имеют большее количество работников и создают больше рабочих мест, чем другие категории предприятий.

Гипотеза №6. Если активно импортирующие и экспортирующие предприятия развивающихся стран созданы с участием иностранных инвестиций, то практически по всем анализируемым показателям они имеют лучшие результаты, чем национальные активно импортирующие и экспортирующие предприятия.

Опросы по каждой стране охватывают период с 2006 по 2017 г. (см. приложение 1). Например, опросы по предприятиям Узбекистана проведены в 2008 и 2013 г.

Общее количество проведенных опросов составляет 231, а участвовавших в опросе предприятий в выборке – 72255. Среди последних высока доля промышленных предприятий таких стран, как Индия (9,9%), Египет (4,4), Бангладеш (3,4), Нигерия (3,3), Мексика (3,2), Индонезия (3,1), Россия (2,9), Филиппины (2,8), Турция (2,8), Пакистан (2,6) и Китай (2,3%).

Данные базируются на двузначных торговых данных согласно Международной стандартной отраслевой классификации (ISIC Rev. 3.1.). Из неё в целях анализа выбраны те коды, которые характеризуют промышленные товары (с 15 по 37). Распределение исследуемых предприятий по этим кодам отображено в приложении 3. Так, в анализ попали предприятия, специализирующиеся в производстве пищевых продуктов и напитков (20,6%), одежды (11,5), готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования (8,2), химикатов и химических продуктов (8,1%) и др.

Описательная статистика основных переменных, используемых в эконометрическом анализе, приведена в приложении 4.

Несмотря на то, что опросы по каждой стране (даже по некоторым предприятиям) проведены более чем один раз, выборка не учитывает временной фактор для анализа[1].

Таблица 1

Удельные веса промышленных предприятий в разрезе торговой ориентации и статуса собственности

Вид ориентации	Все промышленные предприятия		Промышленные предприятия с иностранными инвестициями		Местные промышленные предприятия	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Importer& Exporter	12667	17,6	3406	44,9	9261	14,3
Exporter-only	4189	5,8	508	6,7	3681	5,7
Importer-only	24517	33,9	2581	34,1	21936	33,9
Non-trader	30882	42,7	1084	14,3	29798	46,1
Всего	**72255**	**100,0**	**7579**	**100,0**	**64676**	**100,0**

Источник: расчеты автора на основе Standardized New 20062016 Business Environment and Enterprise Survey (BEEPS) based on Global Methodology.

[1] Анализ не осуществлялся на временных рядах, данные рассматриваются как кросс-секционные.

Неторгующие предприятия составляют 43% всех анализируемых предприятий (табл. 1). Среди торгующих предприятий на предприятия-импортеры приходится одна третья часть всех промышленных предприятий. Активно импортирующие и экспортирующие предприятия, которые участвуют в ГЦДС, составляют 18%, а только экспортирующие предприятия – 6% всей выборки. Такое распределение, видимо, связано с низкими фиксированными издержками для предприятий-импортеров и высокими – для экспортирующих, что характерно для развивающихся стран.

На промышленные предприятия с иностранными инвестициями[1] приходится 10% от всей выборки. 45% из этих предприятий активно занимаются импортом и экспортом одновременно, 34% – только импортируют, 7% – только экспортируют, а остальные вовсе не торгуют.

Среди местных промышленных предприятий большинство не занимается торговлей (46%) либо специализируется только на импорте товаров (34%). Кроме того, только 14% из них вовлечены в региональные и ГЦДС, а 6% – только экспортируют.

Описательная статистика всех промышленных предприятий в разрезе торговой ориентации и статуса собственности приведена в приложении 5. Распределение предприятий по годам представлено в приложении 6.

Приведено распределение предприятий по институциональным параметрам в разрезе торговой ориентации и статуса собственности (приложение 7). К институциональным параметрам относятся следующие показатели: наличие у предприятия сертификата качества на производимую продукцию, данные о проведенных тренингах в прошедшем году для работников предприятия, использование ИКТ-технологий для общения с клиентами и поставщиками, получение банковского кредита в прошедшем году, проверка финансовой отчетности предприятия внешним аудитором, использование иностранных лицензированных технологий, наличие расходов на НИОКР, улучшение бизнес-процессов внутри предприятия, представление нового товара на рынке. По данным табл. 1 можно обнаружить, что по мере перехода от неторгующих к торгующим предприятиям все промышленные предприятия имеют возрастающую склонность к адаптации перечисленных институциональных показателей. Например, проведение тренингов для работников свойственно 25% неторгующих предприятий. Вместе с тем оно характерно для 35% только импортирующих, 48% только экспортирующих и 55% совмещающих эти виды торговой деятельности предприятий. Такая

[1] Это предприятия, в уставном капитале которых доля иностранного участника выше 10%.

же закономерность прослеживается, если разделить все промышленные предприятия на иностранные и местные. Для местных характерна более выраженная адаптация институциональных свойств в сравнении с предприятиями, имеющими иностранные инвестиции.

При расширении Rigo [5], основной эконометрической спецификацией модели, использованной в данном анализе, стало следующее:

$$Y_{ijs} = \beta_0 + \beta_1 Import\&Export_{ijs} + \beta_2 Export - only_{ijs} + \beta_3 Import - only_{ijs} + \beta_4 Foreign_{ijs} + \beta_5 lnEmployment_{ijs} + \beta_6 Import\&Export_{ijs} * Foreign_{ijs} + \delta_j + \delta_s + \epsilon_{ijs}$$

где i обозначает предприятие, j – отрасль промышленности и s – опрос. Y_{ijs} является фиктивной переменной, принимающей значение 1 и 0, которая характеризует институциональные параметры (качества) предприятий.

Основной фиктивной переменной, представляющей интерес для нашего исследования, является *Import&Export* – активно импортирующие и экспортирующие предприятия (прокси-переменная, характеризующая предприятия, интегрированные в ГЦДС). Анализ сделан с целью сравнить их с предприятиями, занимающимися только экспортом (*Export-only*), импортом (*Import-only*) и предприятиями с иностранными инвестициями (*Foreign*).

Практически во всех уравнениях тестируется гипотеза о влиянии активно импортирующих и экспортирующих предприятий с иностранными инвестициями на рассматриваемые параметры. В этих целях в регрессионные уравнения включены фиктивные переменные взаимодействия (*Import&Export*Foreign*). Для учета особенностей проведенных опросов в уравнения регрессии также включены фиксированные эффекты «страна-год». Более того, фиксированные эффекты по отраслям промышленности включены в целях изоляции характерных для той или иной отрасли особенностей (условия развития, степень конкуренции, особенности спроса, степень использования технологий и др.). Если зависимая переменная – фиктивная, то регрессионные уравнения оцениваются методом логит, в противном случае используется метод наименьших квадратов. В табл. 2 представлены средние предельные эффекты для уравнений, подсчитываемых методом логит. В качестве контрольной переменной практически во всех уравнениях используется переменное количество работников предприятий, преобразованное в логарифм. Во всех уравнениях рассчитаны робастные стандартные ошибки, кластеризованные по «страна – год – отрасль промышленности».

Таким образом, установлено, что предприятия, интегрированные в ГЦДС, чаще имеют сертификаты качества, проводят тренинги для сотрудников, используют электронную почту для контакта с клиентами и поставщиками, имеют банковские кредиты, проводят внешний аудит финансовой отчетности, в сравнении с другими типами предприятий, включая ориентированные на внутренний рынок. Например, активно импортирующие и экспортирующие предприятия приблизительно в два раза больше склонны к использованию сертификатов качества и Интернета для общения с клиентами и поставщиками, чем предприятия-импортеры. Одновременно можно считать, что торгующие предприятия имеют более высокие институциональные показатели, чем неторгующие. Кроме того, эконометрические результаты демонстрируют, что вероятность наличия банковских кредитов у предприятий с иностранными инвестициями ниже по сравнению с чисто национальными предприятиями.

Таблица 2

Институциональные параметры и торговая ориентация: результаты эконометрических оценок

Вид ориентации	Certification	Training	Email	Bank loan	External auditor
Importer & Exporter	0.163***	0.147***	0.176***	0.138***	0.097***
	(0.007)	(0.008)	(0.006)	(0.008)	(0.007)
Exporter-only	0.135***	0.089***	0.129***	0.096***	0.054***
	(0.010)	(0.008)	(0.008)	(0.009)	(0.009)
Importer-only	0.051***	0.080***	0.087***	0.073***	0.057***
	(0.005)	(0.005)	(0.004)	(0.005)	(0.005)
Foreign	0.106***	0.049***	0.060***	-0.066***	0.094***
	(0.007)	(0.007)	(0.006)	(0.008)	(0.009)
Employment (log)	0.089***	0.088***	0.097***	0.052***	0.096***
	(0.002)	(0.002)	(0.002)	(0.002)	(0.002)
Importer & Exporter # Foreign (эффект взаимодействия)					
0–0	0.228***	0.343***	0.687***	0.363***	0.510***
	(0.003)	(0.003)	(0.002)	(0.003)	(0.002)

Вид ориентации	Certification	Training	Email	Bank loan	External auditor
0–1	0.351***	0.398***	0.758***	0.310***	0.608***
	(0.008)	(0.008)	(0.007)	(0.008)	(0.009)
1–0	0.401***	0.493***	0.871***	0.509***	0.610***
	(0.007)	(0.007)	(0.005)	(0.007)	(0.007)
1–1	0.449***	0.518***	0.847***	0.377***	0.689***
	(0.011)	(0.010)	(0.012)	(0.012)	(0.012)
N	69646	67087	70897	63726	70665
Pseudo R2	0.293	0.207	0.414	0.173	0.276

Примечание. В скобках робастные стандартные ошибки, кластеризованные по принципу «страна – год – отрасль промышленности». Все уравнения регрессии имеют фиксированные эффекты «страна – год» и «отрасль промышленности»; *, ** и *** обозначают значимость переменных на 10%, 5% и 1% уровнях соответственно.

Для устранения проблемы с эндогенностью в случае регрессии с Bank loan как зависимой переменной, в качестве регреесора Employment (log) применяется количество производственных и непроизводственных работников за последние *три* года.

Те предприятия с иностранными инвестициями, которые активно ведут экспортно-импортную деятельность, более склонны к сертификированию производимой продукции, проведению тренингов, организации внешних аудиторских проверок по сравнению с национальными предприятиями, интегрированными в ГЦДС, другими типами предприятий с иностранными инвестициями и т.д. Но национальные предприятия, ведущие экспортно-импортную деятельность, чаще прибегают к Интернету для общения с клиентами и поставщиками, банковским кредитам для развития бизнеса.

Предприятия развивающихся стран, интегрированные в ГЦДС, также имеют более выраженную склонность к внедрению современных технологий в производство (табл. 3). Это проявляется как в инвестировании в НИОКР, так и в применении инновационных подходов в оптимизации процессов производства, вывода новых товаров на рынок. Но, как показывают эконометрические расчеты, они уступают только предприятиям с иностранными инвестициями в использовании иностранных технологий в производстве. Это, возможно, говорит о предпочтении материнских компаний передавать зарубежные технологии своим дочерним предприятиям, чем другим предприятиям.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что предприятия с иностранными инвестициями, функционирующие в рамках ГЦДС, имеют более высокую склонность к использованию иностранных технологий в производстве, чем предприятия с иностранными инвестициями или национальные предприятия, интегрированные в ГЦДС. Однако по расходам на НИОКР, улучшению бизнес-процессов, а также по разработке новых товаров национальные предприятия, работающие под ГЦДС, имеют более высокие показатели, чем предприятия с иностранными инвестициями, функционирующие в рамках ГЦДС.

Таблица 3

Технологические параметры и торговая ориентация: результаты эконометрических оценок

Вид ориентации	Foreign technology	R&D	Process innovation	New product
Importer & Exporter	0.099***	0.191***	0.135***	0.181***
	(0.008)	(0.009)	(0.009)	(0.009)
Exporter-only	0.043***	0.113***	0.089***	0.089***
	(0.008)	(0.012)	(0.010)	(0.010)
Importer-only	0.077***	0.090***	0.092***	0.121***
	(0.005)	(0.007)	(0.007)	(0.008)
Foreign	0.111***	0.018**	0.015	0.010
	(0.007)	(0.008)	(0.010)	(0.010)
Employment (log)	0.041***	0.054***	0.046***	0.032***
	(0.001)	(0.002)	(0.002)	(0.002)
Importer & Exporter # Foreign (эффект взаимодействия)				
0–0	0.118***	0.235***	0.452***	0.408***
	(0.002)	(0.003)	(0.003)	(0.003)
0–1	0.226***	0.265***	0.474***	0.423***
	(0.007)	(0.009)	(0.011)	(0.011)
1–0	0.216***	0.432***	0.591***	0.592***
	(0.007)	(0.008)	(0.008)	(0.008)
1–1	0.345***	0.397***	0.572***	0.581***
	(0.011)	(0.013)	(0.013)	(0.013)
N	68027	49201	49120	46132
Pseudo R^2	0.141	0.174	0.152	0.128

См. примечание к табл. 2.

Согласно данным табл. 4, выявлена следующая закономерность. Предприятия, ведущие внешнеторговую деятельность, менее склонны быть малыми (до 19 работников) или, как в случае с предприятиями, интегрированными в ГЦДС, средними (от 20 до 99 работников) по сравнению с неторгующими предприятиями. Хотя только экспортирующие предприятия или предприятия с иностранными инвестициями так же, как и предприятия, ориентированные на внутренний рынок, могут быть среднего размера. Но эконометрические результаты однозначно демонстрируют, что все торгующие предприятия и предприятия с иностранными инвестициями склонны быть крупными предприятиями, где работают свыше 100 человек. Особенно это касается предприятий с иностранными инвестициями, которые занимаются экспортно-импортной деятельностью.

Таблица 4

Размер предприятия и торговая ориентация: результаты эконометрических оценок

Вид ориентации	Small firm	Medium firm	Large firm
Importer & Exporter	-0.354***	-0.024**	0.448***
	(0.006)	(0.011)	(0.009)
Exporter-only	-0.264***	-0.002	0.302***
	(0.006)	(0.011)	(0.010)
Importer-only	-0.124***	0.031***	0.122***
	(0.006)	(0.007)	(0.006)
Foreign	-0.192***	0.000	0.191***
	(0.008)	(0.009)	(0.009)
Importer & Exporter # Foreign (эффект взаимодействия)			
0–0	0.486***	0.370***	0.151***
	(0.003)	(0.003)	(0.003)
0–1	0.263***	0.391***	0.337***
	(0.009)	(0.010)	(0.009)
1–0	0.114***	0.359***	0.601***
	(0.005)	(0.011)	(0.009)
1–1	0.057***	0.260***	0.751***
	(0.006)	(0.010)	(0.009)
N	72255	72255	71990
Pseudo R^2	0.156	0.022	0.197

См. примечание к табл. 2.

Относительно отдельных качественных показателей предприятий и влияния различных торгующих и неторгующих предприятий на них, то можно утверждать, что предприятия, интегрированные в ГЦДС, характеризуются более высокой производительностью труда, интенсивным использованием навыков и капиталоёмкостью производства, там более высокие заработные платы, чем по другим категориям предприятий (табл. 5). Однако по интенсивности использования навыков эти предприятия уступают лишь предприятиям-импортерам, тогда как предприятия-экспортеры и предприятия с иностранными инвестициями по этому показателю сильно не отличаются от неторгующих предприятий.

Вместе с тем предприятия с иностранными инвестициями, которые включены в ГЦДС, по всем рассматриваемым параметрам имеют несколько более высокие показатели, нежели местные неторгующие, иностранные неторгующие, а также национальные предприятия, специализирующиеся на импортно-экспортной деятельности.

Таблица 5

Показатели предприятия и торговая ориентация: результаты МНК

Вид ориентации	Labor productivity (log)	Average wages (log)	Skill intensity	Capital intensity (log)
Importer & Exporter	0.597***	0.340***	2.379***	0.512***
	(0.032)	(0.026)	(0.324)	(0.047)
Exporter-only	0.512***	0.250***	0.264	0.354***
	(0.034)	(0.027)	(0.358)	(0.049)
Importer-only	0.333***	0.172***	2.573***	0.225***
	(0.024)	(0.018)	(0.232)	(0.035)
Foreign	0.232***	0.098**	0.688	0.152**
	(0.045)	(0.049)	(0.489)	(0.067)
Employment (log)	0.091***	0.029***	-1.302***	-0.038**
	(0.010)	(0.008)	(0.111)	(0.016)
Importer & Exporter # Foreign (эффект взаимодействия)				
0–0	13.362***	11.434***	24.773***	12.271***
	(0.012)	(0.009)	(0.139)	(0.016)
0–1	13.816***	11.695***	27.700***	12.620***
	(0.035)	(0.029)	(0.381)	(0.049)
1–0	13.959***	11.775***	27.152***	12.784***
	(0.026)	(0.021)	(0.282)	(0.039)

Вид ориентации	Labor productivity (log)	Average wages (log)	Skill intensity	Capital intensity (log)
1–1	14.191***	11.873***	27.839***	12.936***
	(0.054)	(0.055)	(0.503)	(0.069)
N	64548	62870	66147	43086
R^2	0.773	0.810	0.136	0.642

См. примечание к табл. 2.

В любой стране мира особую важность для предприятия представляет вопрос создания новых рабочих мест. По результатам эконометрического моделирования, представленным в табл. 6, видно, что в развивающихся странах предприятия, интегрированные в ГЦДС, в среднем имеют больше работников, чем экспортеры, импортеры, предприятия с иностранными инвестициями и неторгующие предприятия. Они также создают больше рабочих мест, чем все эти категории предприятий. Если эти предприятия к тому же созданы с иностранными инвестициями, то количество работников, как и новых создаваемых мест, в среднем выше, чем по другим категориям предприятий.

Анализ также подтверждает, что у крупных предприятий больше работников и они создают больше рабочих мест, чем предприятия среднего и малого размера. Предприятия с иностранными инвестициями особо не отличаются от национальных предприятий в плане создания новых рабочих мест, но у них больше работников, чем у последних.

Таблица 6

Создание рабочих мест и торговая ориентация: результаты МНК

Вид ориентации	Employment (log)	Employment (log)	New employment	New employment
Importer & Exporter	1.645***		0.086**	
	(0.039)		(0.034)	
Exporter-only	1.113***		0.018	
	(0.032)		(0.028)	
Importer-only	0.468***		0.033*	
	(0.022)		(0.019)	
Foreign	0.600***	0.307***	0.092	0.154
	(0.041)	(0.022)	(0.079)	(0.107)

Вид ориентации	Employment (log)	Employment (log)	New employment	New employment
Medium firm		1.387***		0.141***
		(0.009)		(0.018)
Large firm		3.212***		0.251***
		(0.017)		(0.043)
Importer & Exporter # Foreign (эффект взаимодействия)				
0–0	3.145***	2.709***	1.246***	1.205***
	(0.011)	(0.004)	(0.007)	(0.010)
0–1	3.930***	2.865***	1.384***	1.181***
	(0.030)	(0.010)	(0.066)	(0.033)
1–0	4.790***	5.921***	1.332***	1.457***
	(0.035)	(0.014)	(0.031)	(0.036)
1–1	5.389***	6.228***	1.424***	1.610***
	(0.045)	(0.023)	(0.073)	(0.105)
N	71899	71899	65891	65891
R^2	0.306	0.829	0.018	0.020

См. примечание к табл. 2.

По данным табл. 7 выявляются связи между институциональными параметрами и качественными показателями предприятий. Так, предприятия, имеющие сертификаты качества, периодически организующие тренинги для работников, контактирующие со своими клиентами и поставщиками через Интернет, использующие иностранные технологии, пользующиеся банковскими кредитами, проводящие внешний аудит финансовой отчетности, а также созданные с участием иностранных инвестиций, в среднем имеют более высокие показатели производительности труда, интенсивности использования навыков в производстве, капиталоёмкости производства и платят более высокую заработную плату своим работникам. Следовательно, становится очевидной необходимость улучшения институциональных основ для предприятий с помощью индустриальной политики (индустриального стимулирования), если государство намерено улучшить общие показатели эффективности экономики.

Таблица 7

Показатели предприятий и институциональные параметры: результаты МНК

Вид ориентации	Labor productivity (log)	Average wages (log)	Skill intensity	Capital intensity (log)
Certification	0.343***	0.213***	1.395***	0.288***
	(0.021)	(0.017)	(0.208)	(0.036)
Training	0.149***	0.103***	1.932***	0.118***
	(0.015)	(0.013)	(0.202)	(0.033)
Email	0.542***	0.310***	3.504***	0.503***
	(0.026)	(0.022)	(0.309)	(0.045)
Foreign technology	0.179***	0.107***	1.467***	0.111***
	(0.024)	(0.017)	(0.253)	(0.036)
Bank loan	0.238***	0.092***	1.645***	0.311***
	(0.017)	(0.015)	(0.189)	(0.025)
External auditor	0.302***	0.149***	2.213***	0.243***
	(0.019)	(0.017)	(0.212)	(0.034)
Foreign	0.326***	0.174***	1.446***	0.259***
	(0.032)	(0.029)	(0.339)	(0.043)
Employment (log)	-0.019*	-0.033***	-2.231***	-0.143***
	(0.011)	(0.009)	(0.118)	(0.015)
N	55284	53805	58630	37721
R^2	0.797	0.827	0.137	0.666

См. примечание к табл. 2.

Проведенное исследование показало, что все гипотезы, сформулированные в начале статьи, подтверждены, за исключением следующих положений.

• Предприятия, интегрированные в ГЦДС, несколько уступают в использовании иностранной лицензированной технологии предприятиям с иностранными инвестициями, что противоречит части гипотезы №2. Это, возможно, говорит о предпочтении глобальных ТНК и МНК в трансфере передовых технологий своим дочерним предприятиям, чем

другим предприятиям. Если предприятие, интегрированное в ГЦДС, создано с участием иностранных инвестиций, то оно, согласно проведенному анализу, с большей вероятностью шире использует современные зарубежные технологии, чем другие предприятия.

• Предприятия, функционирующие в рамках ГЦДС, по интенсивности использования навыков в производстве несколько уступают предприятиям-импортерам, что противоречит части гипотезы №4. Вместе с тем предприятия с иностранными инвестициями, интегрированные в ГЦДС, по этому показателю имеют более высокие показатели, нежели другие категории предприятий.

• Предприятия с иностранными инвестициями, включенные в ГЦДС, менее склонны к использованию Интернета для общения с клиентами и поставщиками, банковских кредитов для развития бизнеса, инвестированию в НИОКР, улучшению бизнес-процессов, а также к разработке новых видов товаров, чем национальные предприятия, интегрированные в ГЦДС. Это несколько противоречит гипотезе №6. Таким образом, не по всем проанализированным показателям активно импортирующие и экспортирующие предприятия, созданные с участием иностранных инвестиций, имеют лучшие результаты, чем национальные предприятия, ведущие импортно-экспортную деятельность. Это, возможно, объясняется осторожной политикой глобальных ТНК и МНК по отношению к своим дочерним предприятиям, функционирующим в развивающихся странах. Данное явление можно также объяснить соответствием деятельности предприятий с иностранными инвестициями, интегрированными в ГЦДС, достаточно высоким международным стандартам ведения бизнеса, благодаря чему эти предприятия дополнительно не вкладывают средства в улучшение бизнес-процессов. Кроме того, в силу собственных огромных финансовых возможностей они не прибегают к банковским кредитам, предоставляемым развивающимся странам. Налаженные механизмы сбыта продукции на мировом рынке также оказывают свое влияние на контакты с клиентами и поставщиками.

Данное исследование убедительно подтверждает, как важно для экономик развивающихся стран, в том числе Узбекистана, создание предприятий с иностранными инвестициями, интегрированных в ГЦДС, и национальных предприятий, включенных в эти цепочки разделения труда.

Приложение 1

Количество предприятий по странам мира

Страна (год проведения опроса)	Кол-во предприятий	%
Афганистан (2008, 2014)	262	0,36
Азербайджан (2009, 2013)	241	0,34
Албания (2007, 2013)	222	0,30
Ангола (2006, 2010)	291	0,40
Антигуа и Барбуда (2010)	*34*	*0,05*
Аргентина (2006, 2010)	1449	2,01
Армения (2009, 2013)	224	0,31
Багамы (2010)	*42*	*0,06*
Бангладеш (2007, 2013)	2471	3,42
Барбадос (2010)	*71*	*0,10*
Беларусь (2008, 2013)	221	0,30
Белиз (2010)	72	0,10
Бенин (2009, 2016)	142	0,20
Болгария (2007, 2009, 2013)	846	1,16
Боливия (2006, 2010, 2017)	643	0,89
Босния и Герцеговина (2009, 2013)	242	0,33
Ботсвана (2006, 2010)	199	0,28
Бразилия (2009)	1483	2,05
Буркина-Фасо (2009)	95	0,13
Бурунди (2006, 2014)	162	0,22
Бутан (2009, 2015)	177	0,24
Вануату (2009)	15	0,02
Венгрия (2009, 2013)	214	0,30
Венесуэла (2010)	85	0,12
Восточный Тимор (2009, 2015)	123	0,17
Вьетнам (2009, 2015)	1466	2,03
Гайана (2010)	71	0,10
Гамбия (2006)	33	0,05
Гана (2007, 2013)	669	0,92
Гватемала (2006, 2010)	790	1,09
Гвинея (2006, 2016)	162	0,23
Гвинея-Биссау (2006)	50	0,07
Гондурас (2006, 2010, 2016)	648	0,90
Гренада (2010)	25	0,03
Грузия (2008, 2013)	233	0,32
Джибути (2013)	62	0,09

Страна (год проведения опроса)	Кол-во предприятий	%
Доминика (2010)	28	0,04
Доминиканская Респ. (2010, 2016)	233	0,36
ДР Конго (2006, 2010, 2013)	514	0,71
Египет (2013, 2016)	3188	4,41
Замбия (2007, 2013)	668	0,92
Западный берег и Газа (2013)	158	0,22
Зимбабве (2011, 2016)	665	0,92
Йемен (2010, 2013)	368	0,51
Израиль (2013)	**201**	**0,28**
Индия (2014)	7163	9,91
Индонезия (2009, 2015)	2252	3,12
Иордания (2013)	335	0,46
Ирак (2011)	475	0,66
Кабо-Верде (2009)	68	0,09
Казахстан (2009, 2013)	386	0,53
Словения (2009, 2013)	**190**	**0,27**
Соломоновы острова (2015)	42	0,06
Судан (2014)	84	0,12
Суринам (2010)	75	0,10
Сьерра-Леоне (2017)	77	0,11
Таджикистан (2008, 2013)	238	0,33
Таиланд (2016)	726	1,00
Танзания (2006, 2013)	713	0,99
Того (2009, 2016)	80	0,11
Тонга (2009)	54	0,07
Тринидад и Тобаго (2010)	*117*	*0,16*
Тунис (2013)	329	0,46
Турция (2008, 2013)	1989	2,75
Уганда (2006, 2013)	685	0,94
Узбекистан (2008, 2013)	256	0,35
Украина (2008, 2013)	1316	1,82
Уругвай (2006, 2010)	*742*	*1,03*
Фиджи (2009)	48	0,07
Камбоджа (2016)	135	0,19
Камерун (2009, 2016)	208	0,29
Кения (2007, 2013)	810	1,12
Китай (2012)	1686	2,33

Страна (год проведения опроса)	Кол-во предприятий	%
Колумбия (2006, 2010)	1342	1,86
Косово (2009, 2013)	174	0,24
Коста-Рика (2010)	322	0,45
Кот-д'Ивуар (2009, 2016)	310	0,43
Кыргызстан (2009, 2013)	197	0,27
Лаос (2009, 2012, 2016)	353	0,48
Латвия (2009, 2013)	*210*	*0,29*
Лесото (2016)	76	0,11
Либерия (2017)	75	0,10
Ливан (2013)	239	0,33
Литва (2009, 2013)	*208*	*0,29*
Маврикий (2009)	216	0,37
Мавритания (2006, 2014)	132	0,18
Мадагаскар (2009, 2013)	467	0,64
Македония (2009, 2013)	251	0,34
Малави (2009, 2014)	268	0,37
Малайзия (2015)	585	0,81
Мали (2007, 2010, 2016)	560	0,78
Марокко (2013)	187	0,26
Мексика (2006, 2010)	2293	3,17
Микронезия (2009)	9	0,01
Мозамбик (2007)	341	0,47
Молдова (2009, 2013)	218	0,30
Монголия (2009, 2013)	245	0,34
Мьянма (2014, 2016)	720	0,99
Намибия (2006, 2014)	287	0,40
Непал (2009, 2013)	379	0,52
Нигер (2009, 2017)	103	0,15
Нигерия (2007, 2014)	2375	3,28
Никарагуа (2006, 2010, 2016)	694	0,96
Пакистан (2007, 2013)	1870	2,59
Панама (2006, 2010)	359	0,49
Папуа Новая Гвинея (2015)	27	0,04
Парагвай (2006, 2010, 2017)	668	0,93
Перу (2006, 2010)	1120	1,55
Польша (2009, 2013)	**330**	**0,45**
Россия (2009, 2012)	2077	2,88
Руанда (2006, 2011)	140	0,19
Румыния (2009, 2013)	365	0,51
Самоа (2009)	27	0,04
Санкт-Люсия (2010)	63	0,09
Свазиленд (2006, 2016)	145	0,20
Святой Винсент и Гренадин (2010)	49	0,07
Сенегал (2007, 2014)	508	0,70
Сент-Китс и Невис (2010)	*29*	*0,04*
Сербия (2009, 2013)	253	0,35
Словакия (2009, 2013)	**187**	**0,26**
Филиппины (2009, 2015)	2018	2,80
Хорватия (2007, 2013)	*533*	*0,74*
ЦАР (2011)	37	0,05
Чад (2009)	60	0,08
Черногория (2009, 2013)	88	0,12
Чехия (2009, 2013)	**215**	**0,30**
Чили (2006, 2010)	**1420**	**1,97**
Швеция (2014)	**337**	**0,47**
Шри-Ланка (2011)	362	0,50
Эквадор (2006, 2010, 2017)	588	0,81
Эль-Сальвадор (2006, 2010, 2016)	1146	1,58
Эритрея (2009)	93	0,13
Эстония (2009, 2013)	**175**	**0,24**
Эфиопия (2011, 2015)	704	0,97
ЮАР (2007)	680	0,94
Южный Судан (2014)	89	0,12
Ямайка (2010)	121	0,17
ВСЕГО	**72255**	**100,0**

Примечание. Страны, выделенные полужирным шрифтом, относятся к высокодоходным странам ОЭСР, а курсивным шрифтом – к высокодоходным странам – не членам ОЭСР.

Источники расчетов автора – Standardized New 2006–2016 Business Environment and Enterprise Survey (BEEPS) based on Global Methodology.

Приложение 2

Распределение предприятий в региональном разрезе

Регион	Количество предприятий	%
Африка	14041	19,43
Восточная Азия и Тихоокеанский регион	10531	14,57
Европа и Центральная Азия	10251	14,19
Латинская Америка	14367	19,88
Ближний Восток и Северная Африка	5341	7,39
Южная Азия	12684	17,55
Высокодоходные страны ОЭСР	3055	4,23
Высокодоходные страны, не входящие в ОЭСР	1985	2,75
ВСЕГО	**72255**	**100,00**

Источники расчетов автора – Standardized New 2006–2016 Business Environment and Enterprise Survey (BEEPS) based on Global Methodology.

Приложение 3

Количество предприятий в разрезе отраслей промышленности согласно Международной стандартной отраслевой классификации 3.1 (ISIC Rev. 3.1)

Код основных товаров предприятий*	Наименование кода	Кол-во предприятий	%
15	Производство пищевых продуктов и напитков	14876	20,56
16	Производство табачных изделий	262	0,36
17	Производство текстильных изделий	5257	7,28
18	Производство одежды; повязка и крашение меха	8304	11,49
19	Загар и перевязочный материал кожи; производство багажа, сумочек, шорно-седельных изделий, ремней безопасности и обуви	1748	2,42
20	Производство древесины и изделий из дерева и пробки, кроме мебели; производство изделий из соломы и плетеных материалов	2350	3,25
21	Производство бумаги и бумажной продукции	1008	1,40
22	Публикация, печать и воспроизведение записанных носителей	2710	3,75
23	Производство кокса, нефтепродуктов и ядерного топлива	183	0,25
24	Производство химикатов и химических продуктов	5845	8,09
25	Производство резиновых и пластмассовых изделий	4300	5,95

Код основных товаров предприятий*	Наименование кода	Кол-во предприятий	%
26	Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	5168	7,15
27	Производство основных металлов	1995	2,76
28	Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	5890	8,15
29	Производство машин и оборудования, не обозначенных в другом месте	3838	5,31
30	Производство офисной, бухгалтерской и компьютерной техники	42	0,06
31	Производство электрических машин и аппаратов н.э.	2130	2,95
32	Производство радио, телевидения и связи, оборудования и аппаратуры	401	0,55
33	Производство медицинских, точных и оптических приборов, ручных и настенных часов	418	0,58
34	Производство автомобилей, прицепов и полуприцепов	1218	1,69
35	Производство прочего транспортного оборудования	298	0,41
36	Производство мебели и других промышленных товаров	3830	5,30
37	Переработка	184	0,25
ВСЕГО		**72255**	**100,00**

Примечание. * Основные товары предприятия – это те товары, которые имели самый большой процент от объема ежегодных продаж предприятия.

Источники расчетов автора – Standardized New 2006–2016 Business Environment and Enterprise Survey (BEEPS) based on Global Methodology.

Приложение 4

Описательная статистика переменных, использованных в анализе

Переменная	Описание	Количество наблюдений	Среднее	Стандартное отклонение
Importer & Exporter	=1, если предприятие импортирует и экспортирует	72255	0,175	0,380
Exporter-only	=1, если предприятие только экспортирует	72255	0,058	0,234
Importer-only	=1, если предприятие только импортирует	72255	0,339	0,473
Non-trader	=1, если предприятие не торгует	72255	0,427	0,495
Employment (log)	Количество производственных и непроизводственных работников за последний год	71899	3,507	1,426
New employment	Отношение кол-ва рабочих мест в текущем году к кол-ву рабочих мест три года назад	65891	1,273	2,189

Переменная	Описание	Количество наблюдений	Среднее	Стандартное отклонение
Foreign	=1, если иностранная собственность в предприятии равна или превышает 10%	72255	0,105	0,306
Certification	=1, если предприятие имеет международно признанную сертификацию качества	70041	0,273	0,446
Training	=1, если предприятие проводило тренинги за последний год	67452	0,374	0,484
Email	=1, если предприятие использует электронную почту для контакта с клиентами	71700	0,712	0,453
Bank loan	=1, если предприятие имеет кредит от финансового учреждения	69195	0,375	0,484
External auditor	=1, если годовая финансовая отчетность предприятия проверена и сертифицирована внешним аудитором	70956	0,535	0,499
Foreign technology	=1, если предприятие использует иностранную лицензированную технологию	68531	0,151	0,358
R&D	=1, если предприятие инвестировало в НИОКР за последний год	49572	0,270	0,444
Process innovation	=1, если предприятие улучшило производственный или иной процесс за последние три года	49397	0,477	0,499
New product	=1, если предприятие за последние три года выпустило новый товар, который также является новинкой для основного рынка сбыта	49719	0,435	0,496
Small firm	=1, если предприятие имеет до 19 сотрудников (малое)	72255	0,394	0,489
Medium firm	=1, если предприятие имеет от 20 до 99 сотрудников (среднее)	72255	0,365	0,481
Large firm	=1, если предприятие имеет свыше 100 сотрудников (крупное)	72255	0,241	0,428
Labor productivity (log)	Производительность труда = Объем годовых продаж / Кол-во всех работников	64740	13,467	2,881
Average wages (log)	Средняя зарплата = Объем годовых затрат на рабочую силу (зарплата, бонусы…) / Кол-во всех работников	63101	11,472	2,769
Skill intensity	Интенсивность использования навыков = Доля непроизводственных работников в общем кол-ве всех работников	66419	25,667	19,063
Capital intensity (log)	Капиталоинтенсивность = Объем чистых фондов (обор., земля, здание)	43263	12,347	3,132
Источники расчетов автора – Standardized New 2006–2016 Business Environment and Enterprise Survey (BEEPS) based on Global Methodology.				

Приложение 5

Описательная статистика промышленных предприятий в разрезе торговой ориентации и статуса собственности

Торговая ориентация	Количество наблюдений	Среднее	Стандартное отклонение
Промышленные предприятия с иностранными инвестициями			
Importer& Exporter	7579	0,449	0,497
Exporter-only	7579	0,067	0,250
Importer-only	7579	0,341	0,474
Non-trader	7579	0,143	0,350
Местные промышленные предприятия			
Importer & Exporter	64676	0,143	0,350
Exporter-only	64676	0,057	0,232
Importer-only	64676	0,339	0,473
Non-trader	64676	0,461	0,498
Источники расчетов автора – Standardized New 2006–2016 Business Environment and Enterprise Survey (BEEPS) based on Global Methodology.			

Приложение 6

Распределение предприятий по годам

Год	Количество предприятий	Удельный вес, %
2006	9019	12,48
2007	6758	9,35
2008	2071	2,87
2009	9397	13,01
2010	7653	10,59
2011	1652	2,29
2012	3154	4,37
2013	13591	18,81
2014	10331	14,30
2015	3980	5,51
2016	4118	5,70
2017	531	0,73
ВСЕГО	**72255**	**100,00**
Источники расчетов автора – Standardized New 2006–2016 Business Environment and Enterprise Survey (BEEPS) based on Global Methodology.		

Приложение 7

Распределение предприятий по институциональным параметрам в разрезе торговой ориентации и статуса собственности

Параметр	Non-trader	Importer-only	Exporter-only	Importer & Exporter
Все промышленные предприятия				
Certification	19,4	19,4	49,4	49,8
Training	25,0	34,8	48,2	55,0
Email	56,0	74,4	90,0	92,5
Bank loan	24,8	39,0	45,3	53,9
External auditor	45,0	50,4	63,4	71,6
Foreign technology	8,6	14,6	18,5	26,0
R&D	12,8	17,8	26,3	31,3
Process innovation	29,0	32,3	39,7	39,7
New product	22,9	32,9	32,6	40,3
Small firm	50,8	42,7	16,8	13,0
Medium firm	36,3	38,3	38,2	32,7
Large firm	12,9	19,0	44,9	54,3
Промышленные предприятия с иностранными инвестициями				
Certification	30,4	37,0	59,3	57,8
Training	32,1	46,7	55,9	61,5
Email	67,0	84,4	90,9	92,0
Bank loan	21,5	35,3	40,7	45,3
External auditor	58,9	69,8	65,4	80,2
Foreign technology	21,5	30,6	31,9	38,7
R&D	13,1	20,8	22,0	29,9
Process innovation	26,2	33,2	35,4	38,7
New product	22,6	31,8	26,8	38,5
Small firm	33,9	23,4	10,4	7,6
Medium firm	39,7	40,3	31,1	25,4
Large firm	26,4	36,3	58,5	67,0
Местные промышленные предприятия				
Certification	19,0	17,3	48,1	46,9
Training	24,8	33,4	47,1	52,6
Email	55,6	73,2	89,9	92,7
Bank loan	25,0	39,4	45,9	57,0
External auditor	44,5	48,1	63,1	68,5
Foreign technology	8,2	12,8	16,7	21,4
R&D	12,8	17,4	26,9	31,8
Process innovation	29,1	32,1	40,3	40,0

Параметр	Non-trader	Importer-only	Exporter-only	Importer & Exporter
New product	22,9	33,0	33,4	41,0
Small firm	51,4	45,0	17,7	14,9
Medium firm	36,2	38,1	39,2	35,4
Large firm	12,4	16,9	43,1	49,7
Источники расчетов автора – Standardized New 2006–2016 Business Environment and Enterprise Survey (BEEPS) based on Global Methodology.				

Литература

1. См.: Global Value Chains and Development: Investment and Value Added Trade in the Global Economy // United Nations Conference on Trade and Development, 2013.

2. См.: *Gereffi G. & Sturgeon T.* Global value chain-oriented industrial policy: the role of emerging economies / Global value chains in a changing world // Fung Global Institute (FGI), Nanyang Technological University (NTU), and World Trade Organization (WTO), 2013.

3. См.: *Cattaneo O., Gereffi G., & Staritz C.* Global value chains in a postcrisis world: a development perspective // World Bank Publications. 2010.

4. См.: www.enterprisesurveys.org

5. См.: *Rigo D. A Portrait of Firms Participating in Global Value Chains* (No. 01-2017) // Centre for Trade and Economic Integration, The Graduate Institute. 2017.

С.А. Закирова

Инновации как движущая сила развития экономики страны

Для экономики Узбекистана на современном этапе важно формировать социально-экономическую систему, в которой доминирующую роль должна играть инновационная деятельность как фактор, обеспечивающий конкурентные преимущества высшего порядка. Чтобы провести сопоставительную оценку инновационной деятельности разных стран, используется известный глобальный инновационный индекс (ГИИ). Согласно индексу, инновационность страны оценивается как соотношение расходов на инновации в широком контексте (институты, человеческий капитал, наука, инфраструктура, развитие внутреннего рынка, состояние бизнеса) и достигнутых практических результатов (развитие технологий и экономики знаний, творческие результаты), что позволяет анализировать эффективность усилий по созданию и поддержке науки, технологий и инноваций.

В 2017 г. итоговый рейтинг ГИИ формировался на основе 80 показателей среди 126 стран, которые производят 98% мирового ВВП и в которых проживает 92% населения планеты. Результаты рейтинга показали, что страны – лидеры ГИИ создали тесно увязанные инновационные экосистемы и демонстрируют удивительную стабильность своих позиций в глобальном пространстве.

В указе Президента Республики Узбекистана Ш. Мирзиёева «Об утверждении стратегии инновационного развития Республики Узбекистан на 2019-2021 годы» поставлена задача по вхождению Узбекистана к 2030 г. в состав 50 передовых стран мира по рейтингу Глобального инновационного индекса, при этом указано: «Важным условием дина-

Закирова С.А., канд. экон. наук, доцент кафедры «МЭ и МЭО» УМЭД.

Переход на инновационный путь развития стал возможен благодаря созданию национальной инновационной системы (НИС), которая создает необходимые условия и ресурсы для эффективной научно-технической деятельности, включая науку, образование, производство, рынок, а также институты правового, финансового, социального характера.

мичного развития Республики Узбекистан является ускоренное внедрение современных инновационных технологий в отрасли экономики, социальную и иные сферы с широким применением достижений науки и техники» [1]. Указом утверждена «дорожная карта» по ее реализации и целевые показатели инновационного развития Республики Узбекистан до 2030 г. Главной целью Стратегии развития определено «развитие человеческого капитала как основного фактора, определяющего уровень конкурентоспособности страны на мировой арене и ее инновационного прогресса» [1]. Таким образом, намечено внедрить оценку инновационного развития, соответствующую высоким международным требованиям.

Среди основных задач для достижения главной цели Стратегии развития также определены повышение качества и охвата образованием населения на всех уровнях, развитие системы непрерывного образования, обеспечение гибкости системы подготовки кадров. Кроме того, поставлен вопрос об укреплении научного потенциала и эффективности научных исследований и разработок, создании действенных механизмов интеграции образования, науки и предпринимательства.

Предусмотрено увеличение вложений государственных и частных средств в инновации, научно-исследовательские, опытно-конструкторские (НИОКР) и технологические работы. Указано также на необходимость повышения эффективности деятельности органов государственной власти, обеспечение защиты прав собственности, создание конкурентных рынков и равных условий ведения бизнеса, создание устойчиво функционирующей социально-экономической инфраструктуры. Таким образом, в данном документе закладываются базовые основы будущего экономического и технологического успеха государства, фундамент развития конкурентоспособного производства в Узбекистане.

Необходимо отметить, что в условиях глобализации и интеграции правительства многих стран мира, как богатых, так и бедных, осознают, что лучший способ стимулировать долгосрочный рост ВВП и поднимать уровень жизни населения – это сделать ставку на развитие науки, технологий и инноваций [2]. Важно одновременно развивать несколько сфер: образование, фундаментальные исследования, разработка инновационных технологий, частные инвестиции. Основными регуляторами воздействия на развитие науки и инновационной активности

хозяйствующих субъектов, как показывает мировой опыт, выступают финансовые, кредитные, налоговые органы, а также амортизационные и ценовые формы поддержки.

В развитых странах мира применение системного подхода к формированию инновационной политики признано первостепенной целью, особенно на фоне нескольких современных тенденций развития мировой экономики:

- конкуренция за качество человеческого капитала, являющаяся основой инновационного развития, мобильность высококвалифицированного персонала, обеспечивающая процессы распространения знаний;
- информационные технологии, распространяющие знания, выходящие за пределы отдельных экономик;
- конкуренция на более высоких уровнях технологий, что стимулирует процессы специализации и локализации инноваций.

Страны, реализовавшие концепцию системного подхода к проведению инновационной политики, сумели за короткий промежуток времени создать эффективные национальные инновационные системы, включающие в себя механизмы взаимодействия государства, бизнеса, науки и образования, и тем самым добиться увеличения общей наукоемкости ВВП. Рост расходов на науку в мире составляет в среднем 30,7%, обгоняя рост глобального ВВП в 20%.

В развитых странах высокотехнологичный комплекс определяет экономический рост и «тянет» за собой всю остальную экономику, заставляя ее адаптироваться к высоким технологиям. Вместе с тем двигателем прогресса и динамичного развития экономики является не всякое инвестирование в производство, а выведение на рынок новых товаров и техники.

ФРГ, которая входит в число стран-лидеров, инвестирует в НИОКР и инновационные разработки более 2,5% ВВП, ставит цель увеличить их долю к 2020 г. до 3%. В федеральном бюджете Германии на 2017 г. расходы на образование и исследования составляли 17,6 млрд евро. В мире она занимает 3-е место после США и Китая [3].

Наибольшую долю средств в научные разработки вкладывает Израиль – 4,21% ВВП.

Быстрее всего этот показатель растет в Китае, например, в 2016 г. он был равен 10,6%, достигнув 1,57 трлн юаней, или 234 млрд долл. США. Оптимизируется структура инвестиций: больше средств направляется на фундаментальные исследования при увеличении вложений от высокотехнологичных и частных компаний. Согласно 13-му пятилетнему плану развития научно-технических талантов (2016-2020 гг.), к началу 2016 г. в Китае в сфере НИОКР было занято 5,35 млн человек [4].

Быстро наращивают свою долю в этих вложениях развивающиеся страны Юго-Восточной Азии – с 29 до 37%. Например, основой экономического и технологического роста Тайваня стали так называемые научные парки, где создаются новейшие разработки, которые ежегодно приносят в ВВП Тайваня около 2,5 трлн тайваньских долл. (около 81 млрд долл. США), что составляет 15% ВВП Тайваня [5].

Почти треть мировых расходов на науку вкладывают США, по пятой части у Китая и ЕС, десятую часть вносит Япония. Остальной мир, в котором живут две трети человечества, оплачивает менее четверти совокупных расходов на исследования. Даже страны Африки всё чаще делают ставку на исследования и инновации, стараясь выбраться из бедности.

Внедрение новых технологий в промышленное производство, как показывает практика, позволяет осуществить качественный прорыв на мировом рынке товаров и услуг. Конкурентоспособными в данной сфере становятся лишь компании нескольких наиболее развитых стран, а остальные развитые и развивающиеся страны обречены на пассивную роль получателя, потребителя новых технологий.

В развитых странах высокотехнологичный комплекс определяет экономический рост и «тянет» за собой всю остальную экономику, заставляя ее адаптироваться к высоким технологиям. Вместе с тем, двигателем прогресса и динамичного развития экономики является не бездумное инвестирование в производство, а выход на рынок новых товаров и техники. В группу производств с технологиями высокого уровня обычно включают производства, обеспечивающие выпуск наукоемкого продукта, рассчитанного на массового потребителя. Создание и широкое распространение новых продуктов, оказание услуг, обеспечение технологических процессов становятся ключевыми факторами роста объемов производства, занятости, инвестиций, внешнеторгового оборота, улучшения качества продукции, экономии трудовых и материальных затрат, совершенствования организации производства и повышения его эффективности. Все это предопределяет конкурентоспособность предприятий страны на внутреннем и внешнем рынках, улучшает социально-экономическую ситуацию в стране.

В основу типологии стран мирового сообщества уже берется не состояние вооруженных сил и экономические показатели, а способность производить продукт по высоким технологиям. С этой точки зрения страны делятся на сырьевые, товаропроизводящие и создающие научные знания и высокие технологии. Страны последней группы являются мировыми экономическими, технологическими, научными и военными лидерами.

В Узбекистане реализуется Государственная программа инновационной деятельности, основной целью которой является обеспечение устойчивого сбалансированного экономического развития и повышение качества жизни населения республики на основе создания условий для роста инновационного сектора и конкурентоспособности производства, выхода инновационной продукции на внутренний и внешний рынки, процесса импортозамещения на внутреннем рынке.

В 2017 г. было создано Министерство инновационного развития Республики Узбекистан, оно проводит единую государственную политику в сфере инновационного и научно-технического развития Республики Узбекистан. Стал действовать Фонд поддержки инновационного развития и новаторских идей как централизованный источник финансирования инновационных идей и их разработки, с использованием прозрачной системы отчетности по проводимым исследованиям. Были приняты несколько постановлений Президента Узбекистана Ш.Мирзиёева, которые стимулируют развитие инновационной деятельности в республике, в том числе Постановление Президента Республики Узбекистан №ПП-3365 от 01.11.2017 г. «О мерах по дальнейшему укреплению инфраструктуры научно-исследовательских учреждений и развитию инновационной деятельности», Постановление №ПП-3674 от 19.04.2018 г. «Об образовании Центра передовых технологий при Министерстве инновационного развития Республики Узбекистан», Постановление №ПП-3682 от 27.04.2018 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы практического внедрения инновационных идей, технологий и проектов», Постановление №3698 от 7.05.2018 г. «О дополнительных мерах по совершенствованию механизмов внедрения инноваций в отрасли и сферы экономики», Постановление №3697 от 7.05.2018 г. «О дополнительных мерах по созданию условий для развития активного предпринимательства и инновационной деятельности», Постановление № ПП-3855 от 16.07.2018 г. «О дополнительных мерах по повышению эффективности коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности», Постановление № ПП-3899 от 06.08.2018 г. «О мерах по повышению эффективности системы интеграции научной и инновационной деятельности».

Стимулирование научно-исследовательской и инновационной деятельности, создание эффективных механизмов внедрения научных и инновационных достижений в практику, организация при высших образовательных учреждениях и научно-исследовательских институтах специализированных научно-экспериментальных лабораторий, центров высоких технологий и технопарков – все это направлено на развитие сферы образования и науки.

Для развития Узбекистана на инновационной основе необходимы следующие предпосылки: *во-первых*, четкое определение стратегических приоритетов развития на инновационной основе; *во-вторых*, создание механизма запуска и поддержки инновационно перспективных компаний, в том числе в среде малого бизнеса и частного предпринимательства; *в-третьих*, оценка источников инновационного роста в сфере промышленности на которые может опираться страна в ближайшей и в долговременной перспективе; *в-четвертых*, устранение институциональных препятствий на пути инноваций, деформирующих условия нормальной конкуренции и свободного предпринимательства на внутреннем рынке.

В Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 гг. [6] определены меры по стимулированию научно-исследовательской и инновационной деятельности, созданию эффективных механизмов внедрения научных и инновационных достижений в практику, организации при вузах и НИИ специализированных научно-экспериментальных лабораторий, центров высоких технологий и технопарков [7].

В 2020 г. долю продукции высокотехнологичных отраслей планируется довести до 31%, а долю производства инновационной продукции – до 22%. Затраты на научно-технические работы относительно ВВП должны достичь к 2020 г. 3%. Прогнозируется, что доля инновационных затрат, которые расходуются предприятиями и организациями, будет увеличена до 5% к 2020 г. [8].

Особую значимость приобретает налаживание взаимовыгодного сотрудничества бизнеса и государства в инновационной сфере. Узбекистан, безусловно, имеет в ней большие возможности, поскольку страна сумела сохранить свой научный потенциал: уровень и объем исследований, проводимых научными организациями при поддержке государства, достаточно высок. В республике зарегистрировано около 400 организаций, проводящих научные изыскания. Средства государственного бюджета выделяются на государственные научно-технические программы в реализации которых ежегодно участвуют около 150 научных, образовательных учреждений и опытно-конструкторских организаций. Около 35% выделенных бюджетных средств приходится на фундаментальные исследования, около 56% – на прикладные программы и 9% – на инновационные разработки [9].

Научный потенциал Узбекистана составляет более 36 тыс. человек, из которых 2549 докторов наук, 9254 кандидатов наук и более 15,7 тыс. исследователей. Научно-изыскательские работы ведутся в 45 научно-

исследовательских институтах Академии наук Республики Узбекистан, 36 высших учебных заведениях Министерства высшего и среднего специального образования, 34 научных организациях Министерства здравоохранения, 30 научных и высших учебных заведениях Министерства сельского и водного хозяйства, 79 научных и инновационных центрах, а также в проектных, опытно-конструкторских организациях, не входящих в состав министерств [10].

В Узбекистане создан ряд новых научно-инновационных структур – Центр геномики и биоинформатики, Международный институт солнечной энергии, Центр высоких технологий с участием Кембриджского университета.

Неоспоримым преимуществом Узбекистана является именно степень общего образования населения. По уровню образования Узбекистан стоит в одном ряду с развитыми странами мира. В области подготовки кадров республика осуществляет программный подход, в результате которого поэтапно осуществляются реформы на всех стадиях образования.

Ежегодные расходы на образование в Узбекистане составляют 10-12% ВВП, что почти в 2 раза превышает рекомендации ЮНЕСКО (6-7%) по размерам инвестиций в образование, необходимых для обеспечения устойчивого развития страны [11].

В финансировании инновационных разработок должно участвовать не только государство, но и сами отрасли, предприятия, представители бизнес-среды. Более широко могут быть использованы и инструменты косвенного воздействия на объемы и направления инновационной и инвестиционной деятельности.

По официальным данным, 38% населения Узбекистана, или 12,5 млн из 32 млн чел., – дети и молодые люди в возрасте от 10 до 30 лет. В 2016/2017 учебном году в 65 вузов страны поступили 62 907 студентов, или 0,5% молодёжи страны. До 2021 г. Узбекистан намерен увеличить количество студентов на 20%. Планируется также внедрять новые сферы образования в соответствии с потребностями экономики и развития страны. В 2017-2021 гг. Узбекистан намерен потратить 1,7 трлн сумов (или 458,7 млн долл. США) на развитие высшего образования [12].

Так как Узбекистан находится в начальной стадии инновационного развития, основное бремя финансирования ложится на государство. Одновременно государство выступает и как основной реформатор, архитектор будущей национальной инновационной системы. Учитывая ограниченность финансовых ресурсов, можно утверждать, что увеличить объем расходов на НИОКР и на образование в кратчайшие сроки будет сложно, поэтому одно из оптимальных решений – это перераспределение расходов.

Ежегодно более 60% государственного бюджета выделяется на социальные нужды, однако основная часть этой суммы направляется на среднее и среднеспециальное образование, в том числе на обеспечение учащихся модернизированными сооружениями, а высшему образованию, которое вносит основной вклад в инновационное развитие, достается малая часть этих ресурсов (5,5%) [13]. Учитывая, что почти все школы, лицеи и колледжи в стране уже достаточно оснащены современными технологиями, было бы разумно перераспределить государственные расходы на образование в пользу высшего образования, а именно: создавать инновационные исследовательские центры и финансировать инновационные проекты при высших учебных заведениях республики.

Хотя Узбекистан обладает преимуществами в области уровня образования населения, все же по числу исследователей и доли совокупных расходов на НИОКР в ВВП республика значительно отстаёт от других стран. Подтверждением этому служит относительно низкий показатель добавленной стоимости на душу населения и относительно небольшое число патентов и научных публикаций на душу населения. Нужно отметить значительное отстранение промышленного сектора от финансирования инноваций и, следовательно, от практических нужд отечественной промышленности в целях повышения ее конкурентоспособности. В итоге большое количество НИОКР никак не связано с потребностями рынка, поэтому возникают трудности при практической коммерциализации производства и обеспечении необходимыми инвестиционными ресурсами. Размер инвестиций в НИОКР в частном секторе в общей доле выручки от реализации продукции весьма низок по сравнению с другими странами.

Для решения задачи развития Узбекистана на инновационной основе необходимы следующие предпосылки: *во-первых*, четкое определение стратегических приоритетов развития на инновационной основе; *во-вторых*, создание механизма запуска и поддержки инновационно перспективных компаний, в том числе в среде малого бизнеса и частного предпринимательства; *в-третьих*, оценка источников инновационного роста в сфере промышленности, на которые может опираться страна в ближайшей и в долговременной перспективе; *в-четвертых*, устранение институциональных препятствий на пути инноваций, деформирующих условия нормальной конкуренции и свободного предпринимательства на внутреннем рынке.

Потенциальными донорами инновационного развития Узбекистана можно назвать крупные компании и банки, которые в основном принадлежат государству. Такие компании, как «GM Uzbekistan», АК «Узавтосаноат», ОАО «Навоиазот», ГАК «Узнефтегаз», имеют достаточно

технических и финансовых ресурсов для осуществления инновационных проектов, причем не только в своей сфере, но и могут финансировать инновационные проекты субъектов малого бизнеса, старт-апов и научно-исследовательских институтов. Для этого нужно развивать интеграцию между крупными компаниями и субъектами малого бизнеса, вузами и исследовательскими центрами. Данный процесс уже начался несколько лет назад, однако интегрирование между указанными секторами происходит очень медленными темпами. Международная практика показывает, что ускорение этого процесса – одна из самых главных движущих сил инновационного развития.

Национальные банки также должны быть вовлечены в этот процесс. Кроме предоставления льготных кредитов, они могут выступать и как деловые партнеры. Для этого они должны напрямую финансировать инновационные проекты и старт-апы как партнеры, беря на себя часть риска, но в то же время быть основными претендентами на определенную часть будущих прибылей или иметь право собственности. В этом плане банки действуют как инвестиционные банки или венчурные фонды.

Как показывает опыт развитых стран, в финансировании инновационных разработок должно участвовать не только государство, но и сами отрасли, предприятия, представители бизнес-среды. Более широко могут быть использованы и инструменты косвенного воздействия на объемы и направления инновационной и инвестиционной деятельности, а именно: уменьшение налогооблагаемой базы (вычет расходов на НИОКР), льготы по ставкам налогов, регулирование таможенных платежей, освобождение от некоторых платежей в бюджет отдельных видов деятельности в наукоемкой сфере. Косвенное стимулирование инновационной деятельности можно проводить путем введения системы стандартов, в том числе социальных и экологических, которые вынуждают бизнес использовать технологические и иные инновации.

Однако пока названных мер недостаточно. Для создания условий структурных преобразований в экономике и более полной реализации ее инновационного потенциала, для опережающего развития наукоемкого производства необходимо повысить эффективность прямого бюджетного финансирования инноваций, к которому относятся (*а*) сметное финансирование научных организаций, являющихся бюджетными учреждениями, (*б*) государственный заказ на производство и поставку научной продукции, (*в*) более широкое использование грантов на научные исследования и публикация результатов проведенных исследований, (*г*) бюджетное субсидирование организаций, формирующее инновационную сферу и коммерциализацию готовых инноваций.

Стратегия инновационного развития, подчинение ей политики экономических реформ, преобразований в экономике и, наконец, тактики конкретных действий во всех проявлениях экономической жизни общества, прежде всего в финансово-кредитной, налоговой, инвестиционной сферах, должны стать главным приоритетом развития Узбекистана. Это позволит стране заложить основы инновационной деятельности и определить перспективы дальнейшего устойчивого развития страны.

Литература

1. Указ Президента Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёева № УП-5544 от 21.09.2018 г. «Об утверждении стратегии инновационного развития Республики Узбекистан на 2019–2021 годы». https://uznet.press/m/461053.html
2. Доклад ЮНЕСКО «Состояние науки. Как живут учёные на планете Земля: деньги, люди, публикации. 18 марта, 2017 г.
3. http://www.dwih.ru/issledovaniy_inovacii/issledovaniy_v_germanii/
4. https://finance.rambler.ru/business/38122871/?utm_content=rfinance&utm_medium=read_more&utm_source=copylink
5. http://russiancouncil.ru/blogs/polinaandreyanova/aziatskaya-silikonovaya-dolina-rol-nauki-i-tekhnologiy-v-ekonomike-tay/
6. Комментарий к Постановлению Президента Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёева «О мерах по дальнейшему совершенствованию деятельности Академии наук, организации, управления и финансирования научно-исследовательской деятельности». 07.02.2017 г.
7. Комментарий к указам Президента Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёева «Об утверждении действительных членов Академии наук Республики Узбекистан» и «О мерах по дальнейшему стимулированию деятельности действительных членов Академии наук Республики Узбекистан, а также действительных членов и членов-корреспондентов бывшей Узбекской академии сельскохозяйственных наук». 29.12.2017 г.
8. *Митрушова М. Л.* Основные тенденции инновационной экономики Республики Узбекистан // Молодой ученый. — 2017. — №1.3. — С. 46-49. — URL https://moluch.ru/archive/135/37532/ (дата обращения: 15.08.2018).
9. http://www.biznes-daily.uz/ru/birjaexpert/15716-formirovani-innovatsionnoy-ekonomiki—glavno-uslovi- ustoychivogo-razvitiya
10. По данным Комитета по координации развития науки и технологий при Кабинете Министров Республики Узбекистан (http://www.uzscience.uz/ru/home)
11. https://mfa.uz/ru/press/news/2016/01/6383/
12. http://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2017/05/09/feature-01
13. Бюджет для граждан. Министерство финансов Республики Узбекистан. 2018. http://ced.uz/wp-content/uploads/Byudzhet-dlya-grazhdan-RU.pdf

О.П. Кобзева

Вклад согдийцев в развитие международной дипломатии и торговли. Великая согдийская колонизация Шелкового пути

Территория Узбекистана в течение многих столетий служила мостом, связывающим Восток и Запад через Великий Шелковый путь. Благодаря этому наш край был известен как важный перекресток на этом пути, где соприкасались различные цивилизации и культуры, и прославился своим неоценимым вкладом в общечеловеческое развитие. С III тыс. до н.э. Лазуритовый, Нефритовый, Западный Меридиональный, Степной и другие пути являлись составными частями Шелкового пути [1].

Его основная караванная дорога на запад из столичных городов Китая Чаньаня и Лояна шла через Лянчжоу, Чжанъе, Цзюцюан и Дуньхуан, где она разделялась на два направления: первое проходило через Кумул (Хами), Турфан, Карашар, Кучар, (Кучэ), Аксу, Кашгар, Иркештам, Фергану, Самарканд, Бухару, Мешхед, Тегеран, Багдад, Стамбул до Рима, второе шло в обход пустыни Такла-Макан с юга через Хотан, Яркенд до Кашгара, соединяясь с северным направлением. В Яркенде дорога разделялась на два ответвления: одна ветвь проходила через Балх и Герат до Мешхеда, вторая – через Балх, Кабул, Пешавар до городов Индии [2].

Спецификой Среднеазиатского региона было то, что он оказался в зоне перекрещивания трех цивилизационных систем: антично-христи-

Кобзева О.П., докт. ист. наук, профессор кафедры «История Узбекистана» исторического факультета Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека.

анского Средиземноморья через Переднюю Азию, индуистско-буддийского и китайско-конфуцианского. Средняя Азия выступала связующим звеном в контактах не только меридионального направления – с Запада на Восток и обратно, но и выполняла роль фокуса транскультурных и дипломатических контактов по линии Север – Юг. Последнее весьма характерно проявилось в значимой позиции региона по отношению к кочевому миру евразийских степей. Развитие торговли одновременно способствовало развитию вначале так называемой «народной дипломатии», а затем и более сложных форм дипломатических отношений. Особую роль в развитии дипломатических и торговых контактов на Великом Шелковом пути сыграли согдийцы.

Согдийцы – один из древнейших народов Средней Азии, имена которых зафиксированы в древних частях Авесты – Видевдате и Бехистунской надписи, создали без преувеличения великую цивилизацию, влияние которой в той или иной степени ощущалось на громадных просторах евразийского материка от Каспийского моря до Тихого океана [3].

Их пребывание, как и других народов Средней Азии, в Восточном Туркестане и Китае отмечено во многих письменных и эпиграфических источниках, в частности в так называемых «старых согдийских письмах», обнаруженных английским археологом М.А. Стейном при раскопках сторожевой башни Великой Китайской стены к западу от г. Дуньхуан в Восточном Туркестане и датированных им II в. н.э., а также более поздними согдийскими документами (VII-X вв.).

Согдийцы - один из древнейших народов Средней Азии, имена которых зафиксированы в древних частях Авесты - Видевдате и Бехистунской надписи, создали без преувеличения великую цивилизацию, влияние которой в той или иной степени ощущалось на громадных просторах евразийского материка от Каспийского моря до Тихого океана.

Однако, как считают многие ученые, в частности Э.В. Ртвеладзе, «переселение согдийцев на Восток началось после похода Александра Македонского в Среднюю Азию» и согдийцы вошли в соприкосновение с Китаем уже в 4-3 в. до н.э.». В китайских источниках о согдийцах впервые упоминается во II в. н.э. Скорее всего были и другие причины, побудившие согдийцев создать свои торговые фактории в Восточном Туркестане и Китае. Одна из них – открытие Чжан Цзянем Западного края и возникновение Великого Шелкового пути и, как следствие, установление дипломатических отношений с Парфией и Римом, а также торговля различными товарами между Китаем и этими странами, особенно шелком [4].

Как лица, непосредственно заинтересованные в получении больших доходов и «искушенные в торговле», согдийские купцы, несомненно, должны были со временем послать вначале своих торговых агентов, а затем создать торговые фактории в городах и оазисах Восточного Туркестана для того, чтобы контролировать более значительные отрезки Великого Шелкового пути. Поэтому переселение согдийцев на Восток началось, вероятно, в I в. до н.э., когда открылось регулярное сообщение по трассам Великого Шелкового пути [5].

Впоследствии согдийские колонии были созданы вдоль всего восточного участка и существовали до IX-X вв. Особенно большие колонии согдийцев были в таких китайских городах, как Чаньань, Ланчжоу, Дуньхуан, где согдийцы жили обособленными общинами.

Научно-исследовательские работы, проводимые китайскими археологами с 80-х годов XX в. в провинциях Шаньси, Ганьсу и Нинся, выявили там богатые следы согдийской культуры. Важнейшими среди них являются согдийские родовые кладбища в средней и южной части Нинся-Хуэского района – места, где уже со времен династии Северной Вэй (385-534 гг.) массово жили согдийцы.

В городе Гуюане (провинция Нинся) археологами было обнаружено массовое захоронение согдийцев по фамилии Ши, Кан, Нэ (VI-VII вв.).

Город Гуюань, основанный в 114 г. до н.э., в древности именовался Даюань. Расположенный на главной трассе Великого Шелкового пути, он сыграл большую роль в культурном обмене между Западом и Востоком[6].

В богатых захоронениях согдийцев Гуюаня обнаружены склепы, коридоры, каменные ложа, настенные рисунки и подробные эпитафии. Судя по ним, согдийские представители прибыли в Гуюань между III-V вв. н.э. из Шахрисабза. По китайским источникам, на месте современного Шахрисабза находился город Сусе. Его правитель первым установил дипломатические отношения с Китаем и построил город Киши, который со II в. до н.э. стал называться Кеш.

Эпитафии также рассказывают о роде деятельности согдийцев и их продвижении по карьерной лестнице в Китае. Так, если родоначальники семей были купцами и торговцами, то среди представителей следующего поколения видим: «военачальника, совершившего много военных походов», «чиновника, управлявшего конным двором», переводчика в центральном правительстве, «начальника округа Гуочжоу» (провинция Хэнам), ветеринара, солдата, земледельца и т.д. [6].

В материалах эпитафий представлена богатая информация о семейной генеалогии, профессиях, брачных контрактах, процессе китаизации. Последний, в частности, выражался в том, что со временем среди

По китайским источникам, на месте современного Шахрисабза находился город Сусе. Его правитель первым установил дипломатические отношения с Китаем и построил город Киши, который со II в. до н.э. стал называться Кеш.

переселившихся согдийцев увеличилось количество браков с китайцами. Происходит также китаизация согдийских имен. В частности, имя Ши Шэу – это переведенное на китайский имя авестийского божества времени и судьбы – Зурван.

На севере Китая найдено несколько погребений согдийцев, относимых к VI-VII вв. Чтобы трупы не оскверняли землю, гробы устанавливались на специальные подставки. Такой вид захоронения называется «канщё» и соответствует учению зороастризма. Из одной могилы выкопана панель надгробия, представляющая нам сведения о жизни и быте согдийцев в Китае. Находка хранится в музее Михо города Кого префектуры Шига. Картина выполнена на раскрашенной мраморной плите (высотой 61,5 см) с изображением проживающего в своем домовладении состоятельного согдийца.

На плите изображено пиршество богатого согдийца с супругой в окружении слуг на верхнем плане и музыкальной труппы на втором, нижнем плане. 7-8 музыкантов исполняют музыку на таких инструментах, как арфа, 4- и 5-струнные бивы и флейта, танцовщица двигается под быстрый ритм. Одевшись в просвечивающий наряд из тонкого шелка, она очаровывает гостей своим страстным танцем, называемым «согдийский танец вихря».

В Китае особенно горячо почиталась согдийская танцевальная культура, а в эпоху династии Тан этот танец часто воспевался в стихах и даже известный согдиец Анрокузан станцевал его перед императором Генсо. Часто танцовщица и ковер для танца представлялись в качестве подарка от посольств согдийских княжеств, а музыка Бухары и Самарканда была включена в музыкальный репертуар дворца династии Тан. Далее на нижнем плане мраморного панно прислуга разливает вино, а рядом установлен согдийский кувшин, неоднозначно подчеркивающий отношение всей сцены к согдийской культуре [7].

В 627-644 гг. несколько согдийских поселений возникло вокруг озера Лобнор. Одно из них было основано на месте покинутого китайского города великим вождем из царства Кан (Самарканд) Кан-Яньтянем, вместе с которым пришло много народа ху – так китайцы называли согдийцев. Вскоре здесь же возникли четыре укрепленных согдийских поселения, одно из которых называлось Путночэн – «город виноградников».

В Китае были и другие города, где проживали согдийские купцы и их семьи: Изюйюань, Гуцзане, Хауяйна, Цзиньчэн, Чанбан (Хумдан). Торговые операции, осуществляемые здесь согдийскими купцами, субсидировались крупными самаркандскими купцами, которые предоставляли кредиты и распоряжались торговыми сделками.

Согдийцы торговали шерстяными одеялами, шелком, льном, свинцовыми белилами, мускусом, бумагой, серебром, ювелирными изделиями и драгоценными камнями.

Важным моментом является и то, что, судя по документам на согдийском языке, обнаруженным в Лоулани английским археологом М.А. Стейном в начале XX в., согдийцы играли ключевую роль в снабжении китайских войск всем необходимым, получая взамен зерна и животных рулоны шелка и монеты.

Современные китайские исследователи отмечают, что различные владения (города-государства) Согда в древних китайских источниках именовались «Девять фамилий Чжао У», то есть города – государства Кан, Ань, Ми, Хэ, Ши, Цао и т.д.

При династии Тан (618-907 гг.) движение согдийцев на Восток достигло грандиозных масштабов, и его можно охарактеризовать как великую согдийскую колонизацию Шелкового пути. Согдийские диаспоры в некоторых городах Китая, например Дуньхуане, достигали более 1000 человек, по приказу правительства даже было создано 6 административных округов для расселения согдийцев.

Исследователи отмечают, что согдийские купцы регулировали значительную часть торговли по Шелковому пути. Они были знамениты своими караванами, деловой хваткой и тесными семейными связями, которые позволяли им заниматься коммерцией по основным торговым артериям, ведущим в Китай.

Фактически, как отмечает известный исследователь Питер Франкопан, согдийские купцы стали тем клеем, который соединил города, оазисы и целые регионы [7].

При династии Тан (618-907 гг.) движение согдийцев на Восток достигло грандиозных масштабов, и его можно охарактеризовать как великую согдийскую колонизацию Шелкового пути. Согдийские диаспоры в некоторых городах Китая, например Дуньхуане, достигали более 1000 человек

Переселившиеся согдийцы и их потомки активно участвовали в политической, экономической и культурной жизни династии Тан и оказывали большое влияние на развитие китайской культуры.

Экономическая интеграция пыталась преодолеть культурные и лингвистические барьеры. Так, в Восточном Туркестане была предпринята попытка выпус-

Переселившиеся согдийцы и их потомки активно участвовали в политической, экономической и культурной жизни династии Тан и оказывали большое влияние на развитие китайской культуры.

ка двуязычных монет, а согдийская эмиссия по внешней форме прямо следует традиции китайских монет в виде кружка с квадратным отверстием в центре[8].

Необходимо отметить и то, что некоторые согдийцы, хорошо знавшие язык и культуру Китая (например, Ши Хэдань), становились дипломатическими представителями Поднебесной в Центральной Азии.

Среди уникальных вещей, обнаруженных в согдийских захоронениях, выделим печать из синего ценного камня (лазурита?), на которой вырезана картина с сидящим львом, плодами и ветвями граната, а также надписью на древнеперсидском «свобода, процветание, счастье». Можно также отметить находку золотой маски, связанной с зороастрийскими обычаями, византийские и сасанидские золотые монеты.

Об интенсивности и глубине дипломатических взаимоотношений согдийцев с китайцами говорит, например, тот факт, что «царица Бухары Хатун подарила китайской императрице два больших покрывала и один вышитый ковер».

Наблюдалось и определенное влияние танского Китая на искусство согдийцев, выражавшееся на уровне восприятия некоторых образов или элементов (изображения облаков, цветов, бутонов лотоса и т.д.), причем «трансляторами» китайских влияний были уйгурские художники [8].

Можно также отметить влияние китайской технологии изготовления бумаги на производство самаркандской бумаги, в том числе шелковой.

Согдийцы сыграли значительную роль в распространении несторианства и манихейства в Восточном Туркестане и Китае. Меньше сведений о распространении зороастризма в этих странах. Большинство согдийцев исповедовали зороастризм в его местной среднеазиатской интерпретации. Некоторые исследователи именуют его маздеизмом.

Согдийские купцы энергично распространяли буддизм на севере и востоке, сыграв важную роль в соединении Китая с долиной Инда. Эти торговцы были идеальными посредниками [9].

Проводником знаменитого буддийского путешественника Сюань Цзаня был Ши Паньто (Вандак из Кеша). Он провел его от Гуанчжоу до пустыни, ведущий в оазис Хами, но дальше идти отказался из-за опасности пути.

Ключом к их успеху была целая сеть надежных перевалочных пунктов. Чем больше согдийцев становилось буддистами, тем больше пе-

щерных храмов было построено вдоль основных торговых путей, как, например, в долине р. Хунза на севере Пакистана. Согдийцы вырезали здесь на камне свои имена, а также изображения Будды в надежде, что их длительное путешествие будет успешным и безопасным[10].

Пещерные храмы, находившиеся на основных торговых путях, совмещали религиозное просвещение с торговлей и туризмом.

Торговля шелком способствовала глобализации, предоставляя новые возможности и подталкивая технологический прогресс.

Как только община согдийцев достигала определенной численности, предположительно 40 человек, они возводили храм огня. Проведением обрядов, точнее, поддержанием огня в алтаре и ведением церемоний во время празднований зороастрийцев занимался сабао (чиновник по делам религии огнепоклонников при династии Тан), ему же поручалось рассмотрение споров.

Согдийские купцы энергично распространяли буддизм на севере и востоке, сыграв важную роль в соединении Китая с долиной Инда.

Согласно китайским письменным источникам, первый зороастрийский храм огня был построен в Чаньане в 627 г. Храмы огня – «Сянь-цы» (религия Небес) существовали в других китайских городах – Лояне, Кайфане и, бесспорно, в городах Восточного Туркестана, подчиненных Китаю, причем здесь согдийские храмы огня возникли гораздо раньше, чем собственно в Китае.

Одним из наиболее ранних зороастрийских памятников в Китае является погребальная, или поминальная каменная, стела, найденная в Северной Хэнани близ Чжандэфу (VI) с изображением согдийских алтарей огня. Собственно зороастрийских сочинений здесь пока не обнаружено, но считается, что найденные в окрестностях Дуньхуана фрагменты «Сказания о Рустаме» были созданы зороастрийцами.

В 2012 г. в Оксфорде была опубликована монография известной исследовательницы Валери Хансен «The Silk Road: a new history». Вскоре увидело свет издание на русском языке «Великий Шелковый путь: портовые маршруты через Среднюю Азию. Китай – Согдиана – Персия – Левант», одна из глав которой названа «Родина купцов Шёлкового пути – Согдиана» [11]. В книге детально рассматривается жизнь в семи оазисах Шелкового пути – Нии, Куче, Турфане, Дуньхуане, Хотане, Чанане (Китай), Самарканде (Узбекистан) и оазисе на горе Муг (Таджикистан) в период его зарождения и активного функционирования. Что немаловажно для нас, в описании всех этих городов всегда присутствует акцент на согдийскую общину, согдийцев или связи с Согдианой.

Согдийцы массово прибывали на поселение в Китай на протяжении V - VII столетий, но число переселенцев резко увеличилось после завоевания Самарканда арабами в 712 г. н.э. Многие из них переселялись в Чаньань - столицу танской империи. Здесь 30-40 богатейших согдийских купцов ежегодно проводили свои съезды.

Валери Хансен описывает жизнь согдийцев, в частности, в оазисе Турфан: «Население Турфана отличалось большим смешением народов... Крупнейшие общины сложились здесь из переселенцев, прибывших с области под названием Согдиана... Китайские жители Турфана слушали иранскую музыку и под неё исполняли согдийский танец, в котором мужчины с женщинами кружились в неистовом вихре» [11].

Об этом танце стало известно во многом благодаря раритетной находке в Сиане. Она представляет собой каменную раскрашенную панель с погребального ложа из захоронения согдийского старосты-сабао Ань Цзя (умер в 579 г.). Всего было обнаружено 12 резных панелей, украшенных мелким рельефом, раскрашенных красным, черным и белым пигментом по золотому фону. На них изображены сцены из жизни усопшего, дающие уникальное в своем роде представление о жизни согдийцев в Китае.

Согласно эпитафии, Ань Цзя родился в семье согдийца, переехавшего из Бухары в Ланьчжоу в 537 г. Матерью его была местная китаянка. Отец Ань Цзя занимал две государственные должности. Сам Ань Цзя вначале был сабао в Гунчжоу (севернее Сианя), затем стал, очевидно, дипломатическим представителем и организовывал торговлю через посланников, так как на одной из панелей склепа он изображен ведущим беседу с тюркским вождём в своем шатре, а стоящие рядом верблюды нагружены товарами [11].

Согдийцы массово прибывали на поселение в Китай на протяжении V - VII столетий, но число переселенцев резко увеличилось после завоевания Самарканда арабами в 712 г. н.э. Многие из них переселялись в Чаньань – столицу танской империи. Здесь 30-40 богатейших согдийских купцов ежегодно проводили свои съезды.

Согдийцы считались знаменитыми купцами, но при этом те из них, кто переселился в Китай, обращались к самым разным занятиям, в том числе брались за земледелие, военную службу, содержание постоялых домов, рисование, выделку кож и сбыт скобяных товаров. Несмотря на то, что китайцы обычно называли согдийцев народом «девяти ювелирных фамилий», большинство из них выбрало одну из семи традиционных китайских фамилий: переселенцы из Самарканда предпочли имя Ганн, из Бухары – Ань, из Кобадиана, располагавшегося севернее р.

Зеравшан, – Цао, из Кушани, находившейся между Самаркандом и Бухарой, – Хэ, фамилию Ми взяли переселенцы с юго-западного берега р. Зеравшан или из Пенджикента, фамилию Ши, написанную одним иероглифом, выбрали выходцы из города Кеша, в наши дни называющегося Шахрисабз, а фамилия Ши, обозначенная другим иероглифом, полюбилась тем, кто переехал из города Чач, или нынешнего Ташкента. За последние годы два японских специалиста в согдийском языке – Ёсида Ютака и Кагеяма Эцуко – восстановили 45 разных согдийских имён, изначально записанных китайскими иероглифами. Эти имена носили многие согдийские переселенцы, которые перебрались в Турфан под этими именами, зато те, кто прожил в Китае несколько поколений, предпочитали давать своим преемникам традиционные китайские имена.

Наряду с изменением имен согдийцы, переехавшие в Турфан, постепенно переняли традиции предания усопших земле, т. е. китайские ритуалы. Так как зороастрийцы считали человеческую плоть грязью на чистой почве, они традиционно оставляли своих мертвецов животным, питающимся падалью, а чистые кости хоронили в склепах. В Турфане повезло обнаружить два склепа. Многие согдийцы, жившие в Турфане, переняли китайские методы погребения, в том числе помещение с покойным деревянных планок вместо слуг, чтобы те служили умершему в следующем мире.

В Сиани и других китайских городах археологи раскопали склепы, украшенные сценами из учения Заратустры о загробной жизни. На стене одного из склепов обнаружено жизнеописание покойника на китайском и согдийском языках [12].

Торговая и дипломатическая активность согдийцев в восточном направлении предполагала наличие ответных посольств и миссий.

В 60-х годах прошлого века на городище Афрасиаб в Самарканде при раскопках дворца согдийского ихшида (царя) Вархумана были обнаружены настенные росписи второй половины VII в. с изображением послов, прибывших к его двору из различных государств. Среди них есть изображения дипломатов, внешний облик которых позволяет предполагать их восточное, в частности китайское, происхождение. В их числе есть два персонажа, имеющие характерные только для представителей корейского царства Когурё того времени головные уборы и позы, – с руками, согнутыми в локтях, заложенными в рукава кафтанов ниже груди, а также имеющие антропологические признаки.

Роспись на Афрасиабе является единственным ценным историческим источником VII в., свидетельствующим о взаимоотношениях Узбекистана с Кореей.

Таким образом, прибытие корейской посольской миссии в 654-655 гг. н.э. наряду с посольствами из ряда других стран по случаю восшествия на трон согдийского ихшида Вархумана можно считать важнейшей отправной точкой во взаимоотношениях согдийцев с Кореей [13].

В настенной росписи Афрасиаба для нас интересны две группы послов, изображенных на западной стене. Одну из групп послов в желтых шелковых одеждах прилегающего покроя специалисты единодушно считают китайской делегацией. Персонажи этой группы (пять фигур) несут дары ишхиду Согда. Так, первая фигура несет три рулона ткани – два рулона красного, один – белого цвета. В руках у третьей фигуры крученая пряжа шелковой нити. У четвертого члена группы в руках гроздья каких-то плодов, похожих на виноград. Последним в группе идет пятый член китайского посольства с гроздьями таких же плодов, что в руках у предыдущей фигуры[14].

Географическую широту дипломатических отношений самаркандского Согда в раннем средневековье ярко демонстрирует присутствие изображений посольской группы из Кореи. Мнение о том, что это посольство прибыло из раннесредневековой Кореи, базируется на многочисленных фактах из письменных памятников. Например, в китайской хронике северных дворов Бейши говорится о Корейском государстве. В источнике описывается характер одежды, причесок и других деталей и аксессуаров корейских чиновников разных рангов и степеней. Среди них имеются элементы, точно соответствующие деталям изображений корейской группы послов: «Они на голове носят сифынь – головной убор, похожий на китайский колпак. Приказные втыкают в сифынь два птичьих пера. Одеяние состоит из кафтана с широкими рукавами и широких шальваров и подпоясывается ремнем. Ходят они, сложив руку в руку». Далее о таких перьях, воткнутых в колпак с двух сторон, говорится в связи с описанием одеяния владетелей Бо-цзи, одной из провинций Кореи. Как полагает Л.И. Альбаум, исследователь настенных росписей Афрасиаба, этот обычай был знаком поклонения птице, мифической прародительнице царствующей династии [15].

Географическую широту дипломатических отношений самаркандского Согда в раннем средневековье ярко демонстрирует присутствие изображений посольской группы из Кореи. Мнение о том, что это посольство прибыло из раннесредневековой Кореи, базируется на многочисленных фактах из письменных памятников.

В хронике Тан-шу (летописи династии Тан) также сообщается о владетелях Кореи, носивших шляпы из белого ло с перьями – с двух сторон. Сопоставляя росписи со сведениями китайских хроник, Л.И.

Альбаум вполне обоснованно определяет этническую и политическую принадлежность корейского посольства во дворец самаркандского ихшида Вархумана. Он уделяет внимание тому, что в раннем средневековье Согд находился в политической зависимости от тюркского Каганата, который имел тесные контакты с дальневосточными государствами. В подтверждение своих суждений он приводит такие доказательства, как посещение корейским монахом в 727 г. Бамиана – одного из центров буддизма в Центральной Азии [15].

В VII – VIII вв. согдийцы, по-видимому, достигли и Японии. Сохранились записи о путешественнике по имени Аннехо из Согда, побывавшего в Наре в 754 г.

По сведениям корейских письменных источников, известный буддийский паломник Хуэй Чао (Хе Чхо – кореец по происхождению), совершивший в 723 г. н.э. путешествие в Западный край с целью посещения буддийских святынь Чача, Согда, Хутталяна и других земель, оставил описание их достопримечательностей. Ранее эти сведения были малоизвестны специалистам, которые в основном опирались на записки китайского паломника Сюань Цзяня, посетившего Среднюю Азию на сто лет раньше [16].

В VII – VIII вв. согдийцы, по-видимому, достигли и Японии. В то время столицей Японии был город Нара, поэтому иностранцы часто посещали его. Однако очень мало тех, кто оставил о себе информацию. Сохранились записи о путешественнике по имени Аннехо из Согда, побывавшего в Наре в 754 г., что отмечает японский исследователь профессор Университета Нара Тоно Хараюки.

Из источников известно, что согдийцы, успешно монополизировав международную торговлю, тем не менее сами не смогли создать у себя сильного централизованного государства. Каждый оазис делился на несколько княжеств, во главе всех номинально стоял правитель Самарканда, которого называли «Самаркандский царь – Согдийский государь», ишхид Согда.

Аннехо был родом из Бухарского оазиса. Его приезд в Японию был связан с сопровождением высокопоставленного духовного буддийского лица Ганжин (в период династии Тан – 618-907 гг.). Целью поездки Ганжина в Японию, несмотря на государственный запрет Китая, являлось распространение заповедей буддизма. Он сделал пять безуспешных попыток переплыть море, причем в одном случае неудачно из-за доноса ученика, в других – из-за стихийных катаклизмов. И лишь через 12 лет, с шестой попытки, в 754 г. он попал в город Нара [17].

В Японии Ганжин обучал заповедям буддизма императора Шему в храме Тодайдзи, Аннехо помогал при постройке этого храма. Он нахо-

дился рядом со своим учителем Ганжином в храме Тодайдзи вплоть до его кончины в 763 г.

В другом японском храме – Хорюдзи, находящемся в префектуре Нара, занесенном в Список всемирного наследия ЮНЕСКО как самое старое деревянное здание в мире, хранятся два деревянных сандаловых бруска с согдийской письменностью. Ранее считалось, что эти предметы с согдийскими надписями были ввезены в Японию лишь в XX в. благодаря экспедиции графа Козуя Отани. Исходя из того, что в мире не существует других сандаловых деревьев с клеймом и с согдийской письменностью, а также надписью на пехлеви, можно предположить, что бруски были перевезены из Индонезии или Индии в Иран, а оттуда по Шелковому пути через Среднюю Азию попали в Китай. Имя владельца, видимо, было написано в Иране, а при перевозке в Китай согдийскими купцами было выжжено их клеймо. Есть и другие предположения, по которым бруски были ввезены в Японию представителями различных, в том числе и японских, посольств. Но, принимая во внимание огромную активность согдийцев по Шелковому пути, нельзя исключать и, казалось бы, невероятного факта приезда в Японию самих купцов или хотя бы буддийских проповедников-согдийцев, об одном из которых упоминалось выше.

В храме Тодайдзи города Нара хранятся считающиеся редкостными древностями согдийский кувшин, бочонок, а также маски согдийского царя и слуги.

Тесные межкультурные контакты на Великом Шелковом пути способствовали созданию оригинальных произведений искусства, в которых проявился синкретизм иранской, китайской, согдийской и тюркской культурных традиций. Эти элементы переплелись так тесно, что исследователи одни и те же явления с равным основанием относят к западным или, напротив, восточным влияниям.

В музее Тенрисанко (префектура Нара, город Тенри) имеется глиняная статуэтка согдийца с флягой в руке (высота 26,7 см). Здесь, видимо, представлен характерный образ сгорбленного согдийца с тяжелой ношей на спине, прибывшего по торговым делам в Сиань. После долгого путешествия выражение лица очень изможденное, но кожаный бурдюк с водой крепко сжат в левой руке [18].

В храме Шесоин хранятся и другие согдийские вещи - парча с круговыми узорами с изображением всадников, охотящихся на львицу, и серебряное блюдо с изображением оленя.

Согдийцы также внесли огромный вклад во внедрение в Китае новых для него музыкальных инструментов и многих элементов музы-

кальной культуры, в частности, лютня, арфа, поперечная флейта, сиринкс (флейта Пана). Особой популярностью музыканты и танцоры Согда пользовались в эпоху династии Тан (VII-VIII вв.). Среди них были выходцы из Бухары, Самарканда, Чача, Кабудана, Кумеда, Маймурга, Хутталя. Музыкантов из Кабудана (область вблизи Самарканда), получивших в Китае фамилию Цао, было больше, чем музыкантов из других стран, вместе взятых. Музыка Самарканда входила в официальный придворный репертуар.

Трансконтинентальные связи разрывали замкнутые поведенческие мирки сельских общин, интенсифицировали многие виды интеллектуальной деятельности, расширяли кругозор, способствовали развитию дипломатического обмена. В этом состоит особый вклад феномена Великого Шелкового пути в мировую историю в целом и согдийцев в частности.

Из западной части Средней Азии в Китай проникли некоторые сельскохозяйственные культуры (фисташки, виноград, люцерна, грецкий орех) и виды домашних животных (лошади).

Из разных областей Средней Азии, в частности из Бадахшана, Чача, Тохаристана, в виде сырья и изделий в Китай поступали полудрагоценные камни (лазурит, сердолик, агат, бирюза). Средняя Азия была одним из основных поставщиков в Китай лекарственных растений. Так, по данным Таншу, в 713-755 гг. из Тохаристана в Китай наряду с отличными лошадьми, стеклом красного и изумрудного цвета поступало до 200 видов редких лекарственных растений.

Помимо знаменитых небесных «потеющих кровью» ферганских лошадей, из различных областей Средней Азии в Китай в качестве даров доставляли других животных: охотничьих и комнатных собак, леопардов, гепардов, львов. Лев, привезенный в дар императору Тай-Цзуну в 635 г. из Самарканда, настолько поразил воображение китайцев своей мощью и величием, что ему было посвящено два стихотворения [19].

Функционирование Великого Шелкового пути требовало создания развитой системы международного разделения труда в производстве товаров на экспорт и в обеспечении инфраструктуры транспортных коммуникаций.

Тесные межкультурные контакты на Великом Шелковом пути способствовали созданию оригинальных произведений искусства, в которых проявился синкретизм иранской, китайской, согдийской и тюркской культурных традиций. Эти элементы переплелись так тесно, что исследователи одни и те же явления с равным основанием относят к западным или, напротив, восточным влияниям.

Трансконтинентальные связи разрывали замкнутые поведенческие мирки сельских общин, интенсифицировали многие виды интеллектуальной деятельности, расширяли кругозор, способствовали развитию дипломатического обмена. В этом состоит особый вклад феномена Великого Шелкового пути в мировую историю в целом и согдийцев в частности.

Коллектив китайских авторов фундаментальной 2-томной монографии «Древний Шелковый путь Китая» под руководством профессора Ма Бушэна констатируют, что «согдийцы были главной сухопутной силой в торговле между Китаем и Западом» [20]. А так как «прошлое – это причина, в то время как настоящее – это следствие, возрождаемый потомками согдийцев – узбекистанцами совместно с Китаем Шелковый путь имеет глубокое историческое обоснование и блестящие перспективы для двух народов», делают выводы китайские ученые.

Литература

1. *Ширинов Т.Ш.* Древнейшие торговые пути Средней Азии (III–II тыс. до н.э.) // Тезисы Международного семинара ЮНЕСКО «Формирование и развитие...». – Ташкент: Фан, 1990. – С. 42-43.
2. *Ходжаев А.* Китайский фактор в Центральной Азии. – Ташкент: Фан, 2007. – С. 8; *Ходжаев А.* Великий Шелковый путь. – Ташкент, 2018.
3. *Ртвеладзе Э.В.* Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. – Ташкент: УМЭД, 2018. – С. 243-251.
4. *Ртвеладзе Э.В.* Великий Шелковый путь. – Ташкент, 1999. – С. 105-116.
5. *Ртвеладзе Э.В.* Согдийцы на Дальнем Востоке// Общественные науки в Узбекистане. – Ташкент, 1998. - № 8.
6. *Чжао Сяоцзя.* О памятниках согдийцев – эмигрантов по фамилии Ши 6-7 веков в китайском Гуюане // Актуальные проблемы Центральной Азии и Кавказа. – М.: Социум, 2015. – С. 133-139.
7. *Франкопан П.* Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий. – М.: Эксмо, 2018. – С. 49,78.
8. *Гюль Э.* Диалог культур в искусстве Узбекистана. Античность и средневековье. – Ташкент: Mir–Inform, 2005. – С. 89-96.
9. *Ртвеладзе Э.В.* Великий Индийский путь. Из истории важнейших торговых дорог Евразии. – СПб.: Нестор-История, 2012.
10. *De la Vaissiere E.* Soqdian Traders: A History. – Leiden, 2005; *Jettmar K.* Soqdians in the Indus Valley // P. Bertrand and F.Grenet (eds). Histoire des cultes d l'Asie centrale preislamique. – Paris, 1991. – P. 251-253.
11. *Хансен В.* Великий Шелковый путь. Портовые маршруты через Среднюю Азию. Китай–Согдиана–Персия–Левант. – М.: Центрполиграф, 2014.
12. *De la Vaissiere E.* Histore des marchands soqdies. – Paris, 2002; *Sims-Williams N.* The Soqdian merchants in China and India// Cina e Iran... - Florence, 1996. P. 45-67; *Roze J.* The Soqdians: Prime Movers between Boundaries. – L., 2010.

13. Xe Su Lee. The Role of Uzbekistan as the cultural Route connecting to Korean peninsula (focused on the Historic Relations between Korea and Central Asian Turks) // Вклад Узбекистана в развитие исламской цивилизации. – Ташкент-Самарканд, 2007. – С.365-369.

14. Исхаков М. Великий Шелковый путь – путь корейско-центральноазиатских культурных диалогов//Korean Studies and University Cooperation between Central Asia and Korea. – Toshkent, 2008. – P. 19-31.

15. Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. – Ташкент, 1975. – С. 74-75.

16. Кобзева О.П. Сотрудничество ученых Узбекистана и Южной Кореи в изучении истории Великого Шелкового пути // Таълим тизимида ижтимоий-гуманитар фанлар. – Ташкент, 2006. №.3. – С. 93-98.

17. Когучи Ясуо. Согдийская культура и согдийцы в Японии // The Role of Samarkand in the History of World civilization. – Ташкент: «Фан», 2007. – С.119-124.

18. Кобзева О.П. Согдийские шедевры японских храмов// Moziydan sado. – Ташкент, 2007, № 4.

19. Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинках в империи Тан. – М., 1981. – С. 124.

20. Цзичунь Юн, Пэнсюй Бо, Ланьузя Пэн, Янлин Ян. Древний Шелковый путь Китая. В 2-х т. – Ташкент: Шарк, 2018. – С. 5.

Kh. Yunusov

The European Union and Central Asia: historical overview, current situation and prospects*

Historical Background. The EU and CA relationships have more than a quarter century history. The issue of recognition of new states that became independent in Central Asian region came forth before European Community[1] in end of XX century. With the "Joint Declaration of Twelve" issued on 31 December 1991, European Community recognized state independence of Central Asian republics [1]. The recognition of the independent statehood of new Central Asian republics developed in the following way: first, new understanding (or approach) with regard to the procedure of recognition of the independence of newly emerged States was worked out. This understanding was a part of the document entitled "Guidelines on the Recognition of New States in Eastern Europe and in the Soviet Union" adopted on 16 December 1991 in Brussels [2]. Although the Declaration was not of a binding character, it only opened the door for European Community member states to recognize newly independent states of former Soviet Union. With "Declaration of Twelve" of 31 December 1991, independence of 9 member of the Commonwealth of Independent

* This article has been prepared within the project SEnECA (Strengthening and Energizing EU-Central Asia relations) funded from the European Union's Horizon - 2020 research and innovation programme under grant agreement No 770256.

[1] When reference is made to the "Community" it is European Community which is generally meant. The other two communities have never been played an independent role since their existence. After July 2003, the European Coal and Steel Community formally, and the European Atomic Energy Community set up in 1957 materially, for all practical purposes have been absorbed into the EC, which explains why the name "Community" is most used in singular in the most literature.

Khaydarali Yunusov, PhD, Senior lecturer of UWED, Jean Monnet Chairholder.

States (CIS) was recognized [3]. "Memorandums of Understanding" between the republic of Central Asia and European Commission were signed in 1992. The first representative office of the EU in Central Asia was opened in Almaty, the capital of Kazakhstan, and then diplomatic relations were established. Later on, the Mission of the CA republics to EU started its functioning in Brussels [4].

Relations between the European Community and the republics of Central Asia started in this manner. Recognition of new independent states by the European Community gave rise to two types of practical and theoretical issues of International Law. The first is the recognition of the primary subjects of international law (Nation-States) by the secondary subject, i.e. intergovernmental regional organization such as European Community and the second problem is the development of new criteria and requirements for the recognition of new independent States.

Until that moment there was no precedent in the history of the international relations when international organization (despite the EU/EC are considered more than international organization) recognized independence of newly created State. The other important point is that there were no any universal requirements regulating the procedure of recognition of new independent States. Montevideo Convention on the Rights and Duties of the States of 26 December 1933 mentions only about the classical selective criteria of States that are necessary for their recognition. But the criteria and the procedure on recognition of new States was always regarded as a matter falling within the internal competence of every State and in practice there were no any specific requirements.

Declaration entitled "Guidelines on the Recognition of New States in Eastern Europe and in the Soviet Union" put new requirements in this regard. Surely, these new requirements are not traditional and important point here is that "Any member states of Commonwealth of Independent States (CIS) did not express any objection to such a policy of the European Community" [5].

One more specific feature of those relations is mutual recognition and establishment of diplomatic relations between the European community and new independent states of Central Asia occurred simultaneously, in parallel but separately, with the mutual recognition and establishment of diplomatic relations between each member states of the European Community and Central Asian republics.

For example, independent Uzbekistan established diplomatic relations with Kingdom of Denmark on 25 January 1992, with the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland on 18 February 1992, with the

With its rich natural resources, important geographical position and high human potential, the Central Asian region is within the partnership and collaborative interests of the European Union.

Republic of Finland on 26 February 1992, with the Republic of France on 1 March 1992, with Federative Republic of Germany on 6 March 1992, with the Kingdom of Belgium on 10 March 1992, with the Republic of Greece on 16 March 1992, with the Kingdom of Spain on 17 March 1992, with the Republic of Italy on 24 March 1992, with the Republic of Austria on 25 March 1992, with Grand Duchy of Luxembourg on 10 July 1992, with the Republic of Portugal on 12 August 1992, with the Kingdom of the Netherlands on 24 November 1992, with the Republic of Ireland on 7 November 1997.

It is important to keep in mind here that it is not necessary to establish mutual diplomatic relations at the same time with the diplomatically presence in the form of opening diplomatic establishments, and usually latter one depends on procedural, material and financial issues.

Strategic Interests and Dilemma. The relations of the EU with the countries of the Central Asian region have never been linear. The studies of evolution of the relationship between the EU and Central Asia show that EU had to change its strategy, position and policy a number of times. Lack of information about the region in general, and countries of the region in particular, immaturity of common external policy and institutional arrangements at that time could be seen as the main reasons for that. However, pertinent transformations in the region are undoubtedly pushing the EU to modify its strategic priorities in the region.

Historically, CA has a centuries-old tradition of bringing Europe and Asia together as it lies at a strategically important intersection between the two continents. The Central Asian states have undergone serious political and economic transformations since the beginning of their independence. When Central Asian countries entered into the international scene as independent states 27 years ago, a number of European countries started establishing a permanent dialogue with them.

The break-up of the Soviet Union and emergence of new independent states in CA in the 1990s led to significant geopolitical changes. The formation of the republics of CA was taking place during a crucial moment in the history of international relations and encouraged to change the geopolitical situation on the Eurasian continent, adjusting the interests of world powers. With its rich natural resources, important geographical position and high human potential, the Central Asian region is within the partnership and collaborative interests of the European Union. Particularly, the EU Commission made a special emphasis on the EU strategic interests

in CA in its "Communication on relations with Newly Independent States of Central Asia" [6] already in 1995. It's voiced in the Communication that "Union has important interests in Central Asia. These interests are of economic and geopolitical significance. Especially, based on the fact that European Union being the provider of services, various products, and investment capital to Central Asia, and at the same time potential consumer of the region's energy products, it is particularly interested in development of energy sector in Central Asia".

The interests of the EU in Central Asia are manifested in the following points:

First, with its territory of about 3.5 mln. kmp and 70 million populations, CA is a great consumer market for the EU. The continued increase of population and high consuming capacity of the region makes it even more attractive. In other words, there is a diversified market for all of the products produced in Europe.

Second, the EU member states are massive consumers of Central Asian energy resource products. Especially, the region's gas, oil, uranium and precious metal deposits have long been of keen interest to European business. Central Asia's richness in gas and oil reserves makes the region especially attractive. The EU seeks to secure energy supplies, especially in view of its dependency on Russia, which delivers substantial part of its oil and gas imports.

Third, located among Russia, China, India and Iran, the region is the most sensitive part of geopolitical balance of the Eurasian continent. The disturbance of this balance may provoke strategic threats of various kinds. For example, the potential threats within the region: extremism, separatism, nationalism, parochialism, drug traffic, and other kinds of threats could constitute a source of threat for Europe's security as well. That includes the situation in Afghanistan, which is integral part of regional security of CA.

Finally, with its rich history, traditions, national and local peculiarities, enlightenment and other features, CA is an attractive region to Europe. The increasing flow of tourists to the region is the best proof for such a statement. This region has promising chances of becoming "spiritual and cultural resort" or "relaxing base" for Europe in near future.

In its turn, having united 28 states, with a half billion people and 4.324.782 square km, third by its population number, after China and India and appeared seventh biggest by its territory, the EU has a significant rank in foreign policy of Central Asian republics. Multilateral and bilateral relations with the EU and its member states is considered one of the main foreign policy directions of the countries of the region.

The significance of bilateral relations for Central Asia is reflected on the following statements:

First, the leading states (Germany, France, Italy, Spain and so far Great Britain) of the European Union constitute the source of high technologies to CA. Applying modern western technologies in aircraft construction, mechanical engineering, agriculture, pharmaceutics, construction and generally, in all aspects of production is of vital importance in developing medium and small business in CA.

Second, the EU, taken as a whole with all its member states, represents the second biggest, after CIS, consumer-market for supplies of Central Asian countries.

Third, Western Europe is not only the main commercial partner of the region, but also the main source of investments. From initial periods of independence, one of the central concerns was to attract foreign investments into the countries of the region, and favorable investment environment has been created for them.

Finally, ensuring and maintaining common stability and security in Eurasia is an urgent task for both respective parties. The EU and Central Asia are equally concerned with fighting threats such as international terrorism, drug trade, extremism and other kinds, and providing regional stability. However, along with this, US, Russian, Chinese and Iranian interests are also at stake. This means the region is also a place for fierce competition for the EU, which defines the place of Europe in the 21st Century World Politics.

At the beginning of the 21st century, the time has come for a new partnership between the EU and Central Asia states in a globalized world. The common goal to achieve stability and prosperity by means of a peaceful inter-action made Europe and Central Asia relations for increased cooperation. The strong EU commitment towards its Eastern neighbours within the framework of the European Neighbourhood Policy has also brought Europe and Central Asia closer to each other, both in terms of political cooperation and economic development.

Up to present days, these relations have significantly developed and revealed closeness of values, economic and security interests. The growing dynamics of bilateral relations between the EU Member States and the countries of Central Asia also confirmed that there is a significant potential for strategic cooperation between the EU and CA region.

However, EU-CA relationship has not reached its peak yet. Within the framework of current relationships there are many unutilized spaces, and these are the areas of opportunity. Prospects of the future cooperation will depend on the effective utilization of those missed opportunities.

Particularly, many challenges facing the globalized world affect Europe and Central Asia alike, and warrant a common response. Security questions and regional economic development require close cooperation of the EU with each Central Asian state, considering their geographical location, in particular with respect to Afghanistan, Pakistan and Iran. This applies to developments in the areas of border management, migration, the fight against organized crime and international terrorism, as well as human, drugs, and arms trafficking.

The dependency of the EU on external energy sources and the need for a diversified energy supply policy in order to increase energy security open further perspectives for cooperation between the EU and Central Asia. EU efforts to strengthen local energy markets will help to improve investment conditions, increase energy production and efficiency in Central Asia and diversify energy supply and distribution in the region.

At the time of the European Union's recognition in the international arena as a major economic and financial institute, the necessity of uplifting Central Asian political, economic, trade and cultural relations with this organization and its member states to a new stage requires elaboration of a thorough analysis of politico-legal and economic bases of these bilateral relations. New prospects of partnership and cooperation relations have exposed the prerequisite necessity for broadening and consolidating treaty-legal foundations of bi- and multilateral relations. These types of situations determine the pressing need for examining all aspects and legal sources of the European Union–Central Asia interactions.

Within the framework of current relationships there are many unutilized spaces, and these are the areas of opportunity. Prospects of the future cooperation will depend on the effective utilization of those missed opportunities.

Treaty-based Foundations: Partnership and Cooperation Agreements. The Partnership and Cooperation Agreements (PCAs) are the main instrument regulating the relations between the EU and new independent states of CA appeared after the collapse of the former Soviet Union. They replaced the Agreement on trade and economic cooperation signed in December 1989 between the EEC and the Soviet Union.

The PCA with Uzbekistan was signed on June 21, 1996[1], with Kazakhstan on January 23, 1995 [7] and with Kyrgyzstan on February 9, 1995 and all

[1] On November 22-23, 2018, during working visit of the Uzbek government delegation of the Republic of Uzbekistan led by the Minister of Foreign Affairs Abdulaziz Kamilov, an agreement was reached on the beginning of negotiations on an **Enhanced Partnership and Cooperation Agreement** (EPCA) between Uzbekistan and the European Union, which will replace existing from July 1, 1999 the Partnership and Cooperation Agreement (PCA) between the Republic of Uzbekistan and the European Communities and their member states.

of them entered into force on July 1, 1999. Partnership and Cooperation Agreement establishing a partnership between the European Communities and their Member States, of the one part, and the Republic of Tajikistan, of the other part has been signed on November 11, 2004, and came into force as of first January 2010. The PCA with Turkmenistan, it was signed on May 24, 1998.

PCAs cover a broad spectrum of issues such as trade in goods, economic cooperation including investment promotion and protection among others, energy, environment, transport, tourism besides financial cooperation, cross-border supply of services and others. From the point of view of some authors, "...despite this broadness the established relations are not very deep, e.g. the PCAs do not create a free trade area, but contain at most a "prospect" of it. [8]

Moreover, all PCAs include human rights and democracy clauses which still have been a topic of endless discussions. Human rights and democracy clauses so-called "essential element clause" have similar wording in use among the twelve PCAs including PCAs with Central Asian republics. The PCAs with Kyrgyzstan and Kazakhstan contain the following "essential element clause": "Respect for democracy, principles of international law and human rights constitute an essential element of partnership and of this Agreement".

The PCA with Turkmenistan mentions in Art.2: "Respect for democratic principles and fundamental and human rights constitute an essential element of this Agreement". In addition to the "essential element" clauses the PCAs also contain a "suspension" or "non-compliance" clauses, lying down the procedure to be followed in cases of human rights violations. These clauses are identical in all PCAs.

This type of suspension clause was first used in 1994 in the association agreements with Bulgaria and Romania. Later, it replaced the so-called "Baltic suspension clause", used in the treaties with the Baltic states and Albania, which did not refer to the possibility of negotiations and demanded "serious violations" of human rights. Consequently, the "appropriate measures" referred to in the clause mean a partial or complete suspension or termination of the agreement.

Although the EU uses human rights clauses for several years, no treaty so far has been suspended solely due to human rights violations. There were some cases of treaty suspension with some states like Rwanda, Somali, Sudan but the suspension was not only due to human rights violations, but due to a general non-fulfillment of a treaty mixed with human rights violations e.g. civil wars [9]. As for Central Asian republics, this practice has not been real case so far.

Last eastern enlargement [10], the European integration enhancement and its impact on the EU-CA relations, internal and external factors requiring some changes that are necessary to make this agreement work more effectively, need thorough investigation from the perspective of the European Union and International Law. One of the main problems here is that after the last enlargement, all new member states became part of the PCA (Central and Eastern European countries in 2005, Bulgaria and Romania in 2008 and Croatia in 2014) under the requests of the EU Law without considering its complex nature. The point of this problem is that since then all of the EU member states have been seeking replacement of the bilateral agreements with given country of the region (Central Asia) by the PCA, as far as the European Union Law (including international treaties) is supreme over national legal systems. The serious questions that lawyers and politicians encounter today and are required to find a clear answer to are: *Does the PCA cover all scope of bilateral agreements? What kind of implementation instruments compatible with their national interests exist? How to achieve the main goals of the PCA and take benefits from it? What would be differences between Partnership and Cooperation Agreements (PCAs) and Enhanced Partnership and Cooperation Agreements (EPCAs)?* etc. Due to particular status and legal nature of the PCA both the European and Central Asian scholars and practicing lawyers have been definitely seeking the best solution but things still go in the non-identified direction.

Institutional system of bilateral relations consists of diplomatic, conventional, and unilateral (non-conventional) institutions.

The current process of revising bilateral agreements between new member states of the European Union and Central Asian republics and then promoting those relations, replacing previously bilateral treaty-legal frame by the so-called multilateral "mixed agreements" where the EU and the Member States act jointly, still remains a main point of discussion.

Institutional Frame. The relations between the EU and Central Asian republics are put into a stable institutional system. Such institutions are responsible for prosperous development of mutual relations, as well as taking care of every day related issues.

Institutional system of bilateral relations consists of diplomatic, conventional, and unilateral (non-conventional) institutions. Diplomatic institutions are meant to realize diplomatic missions and are formed at a high level. The conventional institutions comprise of the institutional frame of the Partnership and Cooperation Agreements. Unilateral institutions are formed for assisting and developing bilateral relations

within various ministers, governmental bodies and agencies of each part. They also perform other related tasks.

Diplomatic institutions comprise of all diplomatic representative offices, delegations and missionaries of both parties. In majority parts, Central Asian Republics' Embassy to Kingdom of Belgium also serves as the mission to the European Union.

Conventional institutional system includes all institutions or other bodies established on the basis of mutual consensus within bilateral or multilateral agreements among parties. As pointed out above, PCAs are the main bonds in bilateral relations of the EU and Central Asia. In example of Uzbekistan, since the enforcement of PCA starting July 1, 1999, there has been formed a number of institutions that are responsible for implementation and monitoring of this agreement.

The PCA's XI Chapter ("Institutional, General and Final Disposition"), articles 78-85 and 89 speaks about bringing solutions to issues related to institutions [11]. In particular, articles 78-79 give directions on formation and duties of the Cooperation Council (CC). According to these articles, the Cooperation Council is "an administrating body for realization of the agreement". The CC oversees all international issues and issues within its mission, and gives directions where necessary. The CC's actions are supervised by internal Regulation of the Cooperation Council of the Republic of Uzbekistan, on one side, and European Union and its member countries, on another side, signed on September 13, 1999.[1]

PCA's article 80 stipulates about forming of the Cooperation Committee under the Cooperation Council. The Cooperation committee is responsible for preparing for Cooperation Council meetings, effectiveness of the Cooperation Council, and other related issues.

Another important institution mentioned in PCA with Uzbekistan is Inter-Parliamentary Cooperation Committee. The articles 83-85 of the Agreement are dedicated to explaining this committee's formation, mandate, duties and responsibilities. The committee comprises of the members of the European Parliament and Parliament (Oliy Majlis) of the Republic of Uzbekistan. Its meeting can be organized as the committee itself decides.

The Inter-Parliamentary Committee has an authority to request reports on activities of the Cooperation Committee and give its recommendations accordingly. The Cooperation Committee is obliged to provide with the requested information. The committee can organize meetings at any time

[1] For the text of the Internal Regulation, see: Règlement intérieur du Conseil de coopération entre les communautés européennes et leurs Etats membres, d'une part, et la République d'Ouzbékistan, d'autre part, en date du 13 septembre 1999 - Réglement intérieur du comité de coopération. Journal officiel n° L 265 du 13/10/1999 p. 0031-0035, https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/ALL/?uri=OJ:L:1999:265:TOC, (Date of Accession : 29.09.2018).

as necessary. Each party takes turns to appoint a head to the Inter-Parliamentary Committee.

Recent developments. As of beginning of the XXI century, the necessity of raising the relations between the EU and CA to a new level was felt by the leaders of the two sides, and the EU's new initiatives were evident.

The EU shares a broad spectrum of interests with Central Asia, ranging from efforts to achieve peace in Afghanistan, via the fight against drugs transit and extremism, improved regional cooperation, to the diversification of energy supplies.

The Council of the European Union, in its document entitled "The European Union and Central Asia: Strategy for a New Partnership", adopted 23 June 2007, made the European Union's strategic interests in the region even clearer [12].

This strategy for a new partnership with Central Asia developed during Germany's EU Council Presidency, discussed at 2809th External Relations Council meeting, in Luxembourg on April 23, 2007 [13], drafted by Permanent Representatives Committee on May 31, 2007, adopted at 2809th External Relations Council meeting in Luxembourg on June 18, 2007 [14], and finally adopted during the Brussels European Council on 21 and 22 June, 2007 [15].

This strategy for the first time sets out political guidelines for a considerably enhanced the EU commitment in Central Asia. With its Central Asian concept, the EU underlines the region's growing strategic significance due to its location between Europe, Asia, Russia and South Asia. The EU shares a broad spectrum of interests with Central Asia, ranging from efforts to achieve peace in Afghanistan, via the fight against drugs transit and extremism, improved regional cooperation, to the diversification of energy supplies.

The EU's strategy on Central Asia favours a balanced bilateral and regional approach which takes due account of the specific requirements and performance of each individual country. Regular political dialogue with the countries of the region will aim not only to increase cooperation in the various fields such as economics, transport, energy, the environment and education, but also to create a broader foundation of shared values based among other things on the rule of law and human rights. According to this document, the European Council would evaluate the implementation of the Central Asia strategy for the first time in June 2008 and at least every two years thereafter.

As for content, it is possible to say that its political significance is even more important than previous ones; it was for the first time that such a document for Central Asia has been adopted by Europe. Unlike

the ones considered above, this document is aimed at long-term, concise (19 pages), and mainly determinant of EU's political relation to the region and sets forth the ways of its implementation.

The document contends that "In the beginning of XXI century, and in the conditions of globalization, it is time for European Union to engage in partnership relations of a new quality with Central Asian countries". It's stated in the document that Partnership and Cooperation Agreements (PCAs) signed between the EC and Central Asian countries should be fully implemented. To this aim, more active, than before EU's approach to Central Asia was proclaimed and it was intended to improve institutional basis of the dialog.

A closer analysis of these allows us to reach the conclusion that for the first-time synergetic interrelations appeared between conceptual political position, legally-binding acts and European external assistance. That is unique and most important feature of the last development of mutual relations.

In other words, at bilateral level, the EU's relations with Central Asian states are based on the Partnership and Cooperation Agreements (PCAs). The PCAs are built upon three pillars: political dialogue, trade and economic relations and cooperation in a variety of sectors. They are based on common values of respect for human rights, democracy and the rule of law and include commitments to align their respective legal frameworks with that of the EU, and to undertake regulatory convergence in economic sectors. These PCAs provide a common regional framework for the EU's cooperation with all five Central Asian Republics. On the other hand, a large number of important issues facing Central Asia can only be addressed at regional level. This is why it is a core priority for action in the EU Strategy towards this region and that is why these elements take place in the "The EU and Central Asia: Strategy for a New Partnership".

According to Council's statement, alongside high-level political dialogue support to education, intercultural dialogues, cooperation between civil society entities, people-to-people contac ts between the EU and CA should be emphasized in the new strategy.

Also, it was declared that in each Central Asian country representative offices of European Commission would be established. The document provided also the political engagement with the region with more permanent character, and it noted that new special dialog on human rights and energy partnership issues would be constructed.

All in all, this document marks EU's relations with Central Asian countries with newer, more important appearance, provides refreshed

grounds to develop these relations in practice, and in this regard, displays the decisive political will of European side.

Over the last decade the EU-CA relations have been developed under this strategy of the EU. The EU Strategy for Central Asia which has been implemented for more than 10 years foresees that progress made on implementing the Strategy be reviewed in 2008 and every two years thereafter. Four implementation progress reports have been prepared in 2008, 2010 and 2012, 2015 (13 January) respectively. The conclusions adopted by the Foreign Affairs Council on 25 June 2012 approved the latest progress report and confirmed that all priority areas of the Strategy remained important [16].

Toward a New Strategy. Step by step Central Asian issue became a persistent subject in the foreign policy agenda of the EU. In the EU Global Strategy for Foreign and Security Policy, entitled "Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe", announced and elaborated by the High Representative Federica Mogherini in 2016, has been emphasized that "The EU internal and external security are ever more intertwined: its security at home depends on peace beyond European borders. ...It is in the interests of our citizens to invest in the resilience of states and societies to the east stretching into Central Asia, and to the south down to Central Africa. ...In Central and South Asia, we will deepen cooperation on counter-terrorism, anti-trafficking and migration, as well as enhance transport, trade and energy connectivity" [17]. In the EU Global Strategy, the High Representative Federica Mogherini paid a specific attention to EU-Central Asia relations and defines the priority of the inter-regional cooperation such as fight on counter-terrorism, anti-trafficking and migration, as well as enhance transport, trade and energy connectivity.

As a next step, the EU Foreign Affairs Council adopted conclusions on the EU newest strategy for the region on June 19, 2017. The Council therefore asked the High Representative and the Commission to come forward with a proposal for a new Strategy by the end of 2019 in accordance with the EU Global Strategy. According to Council's statement, alongside high-level political dialogue support to education, intercultural dialogues, cooperation between civil society entities, people-to-people contacts between the EU and CA should be emphasized in the new strategy. The Council also underlines the importance of support to education. Education programmes provided by the EU and individual Member States should play a key role in helping Central Asian institutions to build capacity to offer modern and inclusive curricula that respond to the needs of the labour market and contribute to the promotion of the values of democracy, human rights, fundamental freedoms and intercultural dialogue, by making

full use of the existing Education Initiative and its Platform. On the tenth anniversary of the original Central Asia strategy the Council believes that it is time to review and renew our relationship, considering new geopolitical realities and the evolving needs and capacities of the Central Asian partners [18].

On November 10-11, 2017, HR/VP Federica Mogherini paid a visit Uzbekistan for the first time to participate in EU-Central Asia Foreign Ministers' Meeting "EU and Central Asia: Working for a Safer and More Prosperous Future Together" during which she officially called CA partners for a partnership for change, for development and for security. According to the HR/VP Federica Mogherini "The European Union and Central Asia are partners for change...But this isn't just about business, as it wasn't just about the trade route. Diversity and pluralism are written in this region's history, and there is no reason to fear them, be it on Central Asian territory, in Europe or elsewhere. On the contrary, diversity and pluralism can only make our States and our societies stronger. With independent media, an open space for civil society, human rights for all, institutions are more credible, States more resilient in times of crisis – and you know that we are crossing times of crisis - and economies are more solid and attractive. This is another interest we share. A partnership for change is a partnership for innovation, for research and for human growth" [19]. At this meeting she announced the call by the EU Foreign Affairs Council for a new EU Central Asia Strategy by the end of 2019, which should be based on mutual interests, common approaches and values of the EU and countries of the region.

Past twenty-seven years have been the period of test in the relationship between the EU and CA countries. Thus, at this stage, it is very essential to review and evaluate the results, and to establish an agenda for further strengthening the relations.

In its turn, the high officials of the Central Asian countries focused on the potential for enhanced economic relations between the EU and the Central Asian countries. Strengthening the nexus between security, migration, climate change and economic sustainable development could contribute to stronger economies. Transparent rules and regulations, as well as increased use of e-governance solutions, are important for a favourable investment climate and private sector development in the countries of Central Asia, which will promote the region's further sustainable economic development [20].

Perspectives of Mutual Relations and Conclusion. Hence, nowadays present conditions themselves require a more constructive and comprehensive discourse on the history, current status and future

prospects of the EU-CA relationships. Indeed, in order to effectively solve the issues at hand and set a right path for the future development of cooperation, we need to look back to the history and carefully re-assess it. Past twenty-seven years have been the period of test in the relationship between the EU and CA countries. Thus, at this stage, it is very essential to review and evaluate the results, and to establish an agenda for further strengthening the relations.

However, there are many internal and external factors that might impact on the course of bilateral and multilateral relations. But it is also to acknowledge that past years have seen a wide range of positive developments in the EU-CA relations. So, problems and successes usually come side by side. Therefore, we should work on these problems in order to find a constructive solutions to them in the future. The followings could be the areas to start:

First, although the official level relations (i.e. diplomatic and intergovernmental) have been developing steadily, unofficial relations i.e. public diplomacy (relations between nongovernmental structures, civil society institutions) remain underdeveloped and need to be given serious attention;

Second, EU-CA relations have not been noticed (or, unpopular) in "lower" levels of society. Ordinary public is not well informed about the contributions of such relationships in their lives. Recent developments in EU's internal and external policies, Brexit and other events have increased a necessity for reliable and unbiased information about the EU and its' consequences in other regions like CA;

Third, academic and scientific exchanges are also insufficiently developed. Scientific publications and scholarly works on the European Union remain underdeveloped in Central Asia. The EU-CA academic networks, scientific communities, joint projects and grants well below their actual potential. Fostering relations between academic communities may contribute to the further development of other areas like cultural and scientific cooperations, mutual understanding between peoples, business-touristic cooperaton in, etc. Therefore, it is very important to convene non-officials, civil societies and academic representatives around the table through the joint workshops and seminars, and to increase the amount and quality of publications (both public and scientific) in order to provide policy makers as well as general public with reliable and necessary information.

Therefore, it is high time to re-assess the 27-year old history of the relationship between the EU and CA, to identify existing problems and areas of inefficiency, and help find solutions to the issues through the academic and scientific instruments. In doing so, the EU newest strategy

To this aim, it is proposed to conclude bilateral and unilateral treaties between the EU, and its members and Central Asian republics on the new spheres of cooperation and partnership such as agricultural and inoculums products trade, education, intellectual property, and different types of tourism.

on Central Asia should concentrate on two interconnected factors: fostering the dialogue between the academic world, policy-makers, public servants, and civil society institutions, on the one hand, and disseminating information among the general public at large, on the second hand.

As a conclusion to this article, the following points can be made:

First, despite the fact that interrelations between the EU and CA were established not long ago, relations between European and Central Asian people have long historical roots. Devoting attention to historical factors and taking into account historical experience on analysing present and future perspectives of mutual relations can prove effective for both sides. In fact, the EU should keep it in mind that it is engaging in relationship with the region, which was considered ancient cultural hotbed of human history. Scholars such as Ibn-Sino (Avicenna), Al-Khorazmiy (founder of algorithm), Al-Biruniy (founder-father of geodesy), Al-Farobiy, and Al-Farghoniy refined in the region had greatly contributed to the development of European science. In addition, it should be remembered that Europe owes it to Amir Timur (Great Tamerlan) and his historic service for saving it from inevitable invasion of Ottoman Turks;

Second, the process of mutual recognition and establishment of diplomatic relations between the European communities and independent states of CA is a legal precedent of theoretical and practical significance. This process paralleled in harmony with special procedures of recognition of new independent states by the EC and the process of establishing diplomatic relations with them by the EU member states;

Third, as a matter of scope, the relations between the EU and CA are developing in bilateral (European Union – each republic of CA) and multilateral-regional (European Union – Central Asia) ranges. Some Central Asian republics, such as Turkmenistan, while actively participating in European Union's bilateral programs, their participation in European Union-Central Asian interregional dialog remains particularly weak.

Fourth, economic partnership, mutual trade and human rights issues are the most priority and main directions of the EU-CA relationships.

Fifth, the further prosperity of relationships between the EU and CA is as well connected to the legal grounds of these relations. As a result of analysis of contractual grounds of mutual relations, it was concluded that it was necessary to widen and strengthen the conventional basis of bilateral

and unilateral relations. To this aim, it is proposed to conclude bilateral and unilateral treaties between the EU, and its members and Central Asian republics on the new spheres of cooperation and partnership such as agricultural and inoculums products trade, education, intellectual property, and different types of tourism. It is time to conclude treaties on the spheres of partnerships within the scope of European Union Law, and in particular on terrorism, fighting against various kinds of international crimes, interregional security, as well as judiciary and police issues.

Finally, bringing together the legislations of the EU and CA could prove most effective mean to implement bilateral and multilateral, and especially, Partnership and Cooperation Agreements. In this regard, mutual harmonization of the EU and Central Asian states" legislations, creating detailed methodology of their legal approximation, and adopting corresponding laws are appropriate ways to attain this goal.

To sum up, Central Asia, from geographic, geopolitical, economic and cultural point of views, is the region detaching Europe from Asia, and at the same time, the region connecting it to Asia. Enlargement of the European integration to the East and intermediating factor of Turkey at the thresholds of the eventual EU membership will foster the mutual understanding and cooperation between Europe and Central Asia and results in even deeper perceiving of Eurasia's integrity.

Literature

1. Bulletin de CE, n 1-2/ 1992, http://ec.europa.eu/archives/bulletin/en/welcome.htm, (Date of Accession: 25.09.2018).

2. "Guidelines on the Recognition of New States in Eastern Europe and in the Soviet Union", John P. Grant-J. Craig Barker, ed., *Encyclopaedic Dictionary of International Law*, Oxford University Press, 2009, p. 208-213.

3. Charpentier J., "Les déclarations des Douze sur la reconnaissance des nouveaux Etats", *Revue General de Droit international public (RGDIP)*, Paris, 1992., p. 348.

4. "Decree of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan №162 - On opening the Embassy of the Republic of Uzbekistan in the Kingdom of Belgium", 6 May 1995, http://www.lex-uz (Date of Accession: 25.09.2018).

5. Lukashuk A., Saidov A. *Bases of the Modern International Law Theory*. Academic textbook. – Tashkent: "Adolat", 2006. – P. 106.

6. "Les relations de l'UE avec les nouveaux états indépendants d'Asie centrale: Communication//UE/Commission européenne": http://ec.europa.eu/archives/bulletin/en/welcome.htm, (Date of Accession: 27.09.2018).

7. "European Parliament ratifies Enhanced Partnership and Cooperation Agreement (PCA) partnership with #Kazakhstan", *eureporter*, 12 December 2017, https://www.eureporter.co/frontpage/2017/12/12/51104, (Date of Accession: 30.09.2018).

8. Berdiyev Berdi. "EC Human rights and democracy clauses in the Partnership and Cooperation Agreements with states of Former Soviet Union", *Central Asian Journal*, Volume: 3, No: 2., p. 31.

9. Idem., p.39.

10. Ronald Inglehart, *Modernization and Postmodernism: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*, Princeton University Press, New Jersey 1997; Piotr Sztompka, *The Sociology of Social Change*, Blackwell 1993; Kjell Goldmann, *Transforming the European Nation-State*, Stockholm University, Sweden, 2001; Norman Davies, *Europe: A History*, The Bodley Head, London 2014.

11. "Partnership and Cooperation Agreement came into force on July 1", 1999: http://ec.europa.eu/external_relations/ceeca/pca/pca_uzbekistan.pdf, (Date of Accession: 28.09.2018).

12. "The EU and Central Asia: Strategy for a New Partnership", *Council of the European Union*, 31 May 2007, Brussels, http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%2010113%202007%20INIT, (Date of Accession: 29.09.2018).

13. "General Affairs and External Relations", *Council of the European Union*, 23-24 April 2007 http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/gena/93798.pdf, (Date of Accession: 29.09.2018); "Council Conclusions on Central Asia", *Council of the European Union*, 23 April 2007, Luxembourg, http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/gena/93790.pdf, (Date of Accession: 29.09.2018).

14. "General Affairs and External Relations", *Council of the European Union*, 18 June 2007, Luxembourg, http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/gena/94804.pdf, (Date of Accession: 29.09.2018).

15. "Brussels European Council 21/22 June 2007", *Council of the European Union*, 20 July 2007, Brussels, http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/94932.pdf, (Date of Accession: 29.09.2018).

16. "Progress Report on the Implementation of the EU Strategy for Central Asia Implementation Review and Outline for Future Orientations": http://eeas.europa.eu/central_asia/docs/20120628_progress_report_en.pdf (Date of Accession: 30.09.2018).

17. "Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe - A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy", *European Union Global Strategy*, June 2016, https://europa.eu/globalstrategy/en/shared-vision-common-action-stronger-europe, (Date of Accession: 30.09.2018); "Progress Report on the implementation of the EU Strategy for Central Asia - Implementation Review and outline for Future Orientations": http://eeas.europa.eu/central_asia/docs/20120628_progress_report_en.pdf (Date of Accession: 30.09.2018).

18. "Council conclusions on the EU Strategy for Central Asia", *Council of the European Union*, 19 June 2017, Brussels: http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/06/19/conclusions-central-asia (Date of Accession: 30.09.2018).

19. "Speech by HR/VP Federica Mogherini at the opening ceremony of the International Conference on Security and Sustainable Development under the auspices of the United Nation", *European Union External Action*, 10 November 2017: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-Homepage/35422/speech-hrvp-federica-mogherini-opening-ceremony-international-conference-security-and_en, (Date of Accession: 30.09.2018).

20. "Joint Communiqué: European Union - Central Asia Foreign Ministers' Meeting "EU and Central Asia: Working for a Safer and More Prosperous Future Together", *European Union External Action*, 10 November 2017: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-Homepage/35423/joint-communiqu%C3%A9-european-union-central-asia-foreign-ministers%E2%80%99-meeting-%E2%80%9Ceu-and-central-asia_en, (Date of Accession: 30.09.2018).

Г.Н. Ирмухамедова, Е.В. Борисова

О новой специализации “гидовское сопровождение и переводческая деятельность” в УМЭД

Согласно Постановлению Президента Республики Узбекистан «О мерах по кардинальному совершенствованию деятельности Университета мировой экономики и дипломатии» от 21 июня 2018 г., УМЭД является базовым высшим образовательным учреждением, обеспечивающим подготовку и переподготовку высококвалифицированных специалистов-международников. Среди инновационных направлений подготовки профессионалов нового поколения определена магистратура по специальности “Гидовское сопровождение и переводческая деятельность”.

В условиях, когда Узбекистан проявляет высокий динамизм на международной арене и фактически формируется новый облик страны, резко повышается необходимость в подготовке всесторонне развитых, высококвалифицированных, конкурентоспособных специалистов, ведущих деятельность в сфере межкультурной коммуникации, а также конференц-перевода.

В связи с этим мы обратились к руководителям магистратуры “гидовское сопровождение и переводческая деятельность” доценту кафедры английского языка УМЭД кандидату педагогических наук **Г.Н. Ирмухамедовой** и заведующей этой кафедрой **Е.В. Борисовой** с просьбой рассказать более подробно об этой новой структуре.

– Как мы все знаем, подготовка гидов высшей квалификации, особенно для работы с VIP-персонами, требует глубокого и системного подхода. В связи с этим хотелось бы узнать подробнее, на что

было направлено усиленное внимание и на какие аспекты делался особый акцент при составлении учебной программы по специальности «гидовское сопровождение и переводческая деятельность»?

Г.И.: Несомненно, подготовка специалистов такого профиля требует очень внимательной и детальной проработки всех вопросов и проблем, связанных с будущей профессией. Хотелось бы, чтобы во время обучения в УМЭД наши магистранты в совершенстве овладели всеми необходимыми знаниями и навыками, которые пригодятся им в дальнейшей работе. В связи с этим при составлении учебной программы по специальности «гидовское сопровождение и переводческая деятельность» важно было учесть все моменты, наиболее полно охватить все особенности, связанные с этой профессией. Например, будущие гиды должны:

В условиях, когда Узбекистан проявляет высокий динамизм на международной арене и фактически формируется новый облик страны, резко повышается необходимость в подготовке всесторонне развитых, высококвалифицированных, конкурентоспособных специалистов, ведущих деятельность в сфере межкультурной коммуникации, а также конференц-перевода.

– свободно выражать свои мысли на иностранном языке, адекватно используя разнообразные языковые средства с целью выделения релевантной информации;

– владеть основными особенностями официального, нейтрального и неофициального регистров общения;

– иметь представление об этике устного перевода, уметь использовать этикетные формулы в процессе устной и письменной коммуникации (приветствие, прощание, поздравление, извинение, просьба);

– владеть международным этикетом и правилами поведения переводчика в различных ситуациях устного перевода (сопровождение туристической группы, обеспечение деловых переговоров в бизнес-туризме, обеспечение переговоров официальных делегаций);

– знать основные способы достижения эквивалентности в переводе и уметь применять основные приемы перевода;

– уметь осуществлять устный последовательный перевод и устный перевод с листа с соблюдением норм лексической эквивалентности, грамматических, синтаксических и стилистических норм текста перевода и темпоральных характеристик исходного текста;

– обладать необходимыми интеракциональными и контекстными знаниями, позволяющими преодолевать влияние стереотипов и адапти-

роваться к изменяющимся условиям при контакте с представителями различных культур;

– уметь моделировать возможные ситуации общения между представителями различных культур и социумов.

Кроме всех этих знаний и навыков, будущим гидам необходимо углубленно изучать историю и этнографию Узбекистана, вопросы культурного наследия, менталитета и социальной психологии узбекского народа. Преподавание этих спецкурсов должно быть поручено крупным историкам, культурологам, психологам и т.д. В частности, курс «История Узбекистана с древнейших времен до наших дней» и спецкурс «Культурное и цивилизационное наследие народов Центральной Азии» ведёт доктор исторических наук, проф. Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека О.П. Кобзева.

Следует отметить, что в учебную программу будут включены спецкурсы по менталитету и социальной психологии узбекского народа. Для чтения этих курсов планируется привлечь крупных психологов. По конкретным сюжетам и темам могут быть привлечены религиоведы, музееведы и краеведы.

Несомненно и то, что будущие VIP-гиды должны иметь достаточную культурологическую подготовку, уметь увязывать реалии центральноазиатской цивилизации и культурного наследия с контекстом мировой культуры и мировой истории. Для этих целей чрезвычайно необходим спецкурс «Теория и история мировой культуры», для преподавания которого нужно привлечь ведущих культурологов, искусствоведов и т.д. В частности, запланировано проведение мастер-классов академика Э.В. Ртвеладзе, академика А.А. Хакимова и других учёных. Для будущих VIP-гидов, думаем, будет интересно ознакомиться с творчеством наших известных художников, скульпторов, народных мастеров непосредственно, посетив их творческие мастерские.

Хотелось бы отметить и то, что очень важным профессиональным требованием к любому гиду является владение ораторским искусством. Ораторское искусство «это своеобразное произведение искусства, воздействующее одновременно и на чувства, и на сознание». Поэтому деятельность гида, профессия которого постоянно связана с речью, немыслима без основательных знаний принципов и правил ораторского искусства, без владения культурой речи. В своей деятельности гид, владея культурой речи, с первого и до последнего слова должен постоянно поддерживать психологический контакт со слушателями, добиваясь их расположения, возбуждая и заостряя интерес и удовлетворяя любознательность.

Таким образом, необходимо осуществлять усиленную общегуманитарную подготовку магистров по специальности «переводческая деятельность», т.е. кроме сильной языковедческой подготовки необходимо введение предметов, связанных с историей Узбекистана, историей стран Европы и Америки, прежде всего англоязычных стран, историей Востока, психологических и культурологических предметов, связанных с пониманием этнических стереотипов народов Запада и Востока. Для этого должны быть привлечены крупные специалисты и в настоящее время совместно с руководством университета ведутся работы в данном направлении.

– Интересно узнать о конкретных результатах проводимой учебно-методической работы. Как организуется учебный процесс в соответствии с этими высокими требованиями к будущим гидам высшей квалификации?

Е.Б.: Утверждение образовательных стандартов по направлению «гидовское сопровождение и переводческая деятельность» было проведено в августе 2018 г., после чего был составлен учебный план по данному направлению. Разработаны также и утверждены образовательные стандарты в этой области.

Для первого семестра были разработаны следующие рабочие программы: «Основной английский язык», «Практика устного и письменного перевода», «Туризм и основы экскурсоведения», «История народов Средней Азии», «Культурное и цивилизационное наследие». Данные предметы включены в программу обучения первого семестра.

Кроме сильной языковедческой подготовки необходимо введение предметов, связанных с историей Узбекистана, историей стран Европы и Америки, прежде всего англоязычных стран, историей Востока, психологических и культурологических предметов, связанных с пониманием этнических стереотипов народов Запада и Востока.

Были разработаны рабочие программы по предметам второго семестра: «История и теория мировой культуры», «Межкультурная коммуникация и лингвокультурология». В качестве выборочных дисциплин были включены «Сопровождение правительственных делегаций» и мастер-классы по истории искусств с участием известных искусствоведов, музейных работников.

Г.И.: Хотелось бы отметить и то, что учебная программа по специальности «гидовское сопровождение и переводческая деятельность» разработана с учетом потребностей рынка труда и современного уровня

требований, предъявляемых работодателями к специалистам в области устного перевода и межкультурной коммуникации. При разработке учебной программы по устному и письменному переводу использован опыт зарубежных коллег по подготовке гидов-переводчиков из Лондонского университета Метрополитен и МГИМО, а также опыт работы узбекистанского Учебно-консалтингового центра туризма, занимающегося обучением гидов-экскурсоводов.

В данной программе сочетается теоретическая подготовка специалиста в области переводоведения и интенсивное развитие практических навыков гидовского сопровождения. По завершении курса магистранты должны понимать значение туристско-экскурсионной деятельности, владеть методикой проведения экскурсии, дифференцированно подходить к обслуживанию различных категорий туристов, обладать высокой культурой в работе и в поведении. Кроме того, данная программа может способствовать преодолению излишне рационалистического подхода к обучению. Курс ориентирован на формирование разносторонне развитой личности и индивидуального мировоззрения, осознание значимости отечественного культурного наследия и его вклада в мировую культуру. В рамках обучения организуются посещения музеев и исторических мест, участие в экскурсиях и их самостоятельное проведение.

Учебная программа по специальности «гидовское сопровождение и переводческая деятельность» разработана с учетом потребностей рынка труда и современного уровня требований, предъявляемых работодателями к специалистам в области устного перевода и межкультурной коммуникации.

При разработке программы учитывалось, что одной из важнейших задач курса является формирование механизма девербализации или умения отойти от формальных признаков конкретных слов, запомнить основное содержание сообщения и передать его иными словами. Гидам необходимо развивать механизмы аудирования, включая механизмы речевого слуха, памяти, вероятностного прогнозирования и артикуляции.

На практических занятиях по английскому языку преподаватели ведут занятия по совершенствованию навыков устного и письменного перевода. Занятия проходят в специально оборудованной аудитории, в процессе обучения используются аутентичная литература, аудио-, видеоматериалы.

Практическая часть курса связана с развитием речи обучаемых на русском и английском языках, умением взаимодействовать с аудиторией, владеть риторикой, голосом, использовать различные приёмы изло-

жения аргументации, способы достижения словесной наглядности и выразительности.

– Согласно Постановлению Президента от 20 апреля 2017 г. №ПП-2909 «О мерах по дальнейшему развитию системы высшего образования», одной из важнейших задач в системе высшего образования определено установление тесных перспективных партнерских отношений с ведущими профильными зарубежными научно-образовательными учреждениями. Читателям будет интересно узнать о мероприятиях, проводимых в этом направлении.

Г.И.: Благодаря договоренностям между МГИМО и УМЭД намечена реализация краткосрочных программ повышения квалификации на базе МГИМО для студентов и магистрантов УМЭД. Согласно этой договорённости, в июле 2018 г. 28 выпускников бакалавриата и магистратуры и 2 преподавателя Университета мировой экономики и дипломатии приняли участие в двухнедельной образовательной программе «Международная журналистика, культурная дипломатия и связи с общественностью», организованной Школой бизнеса и международных компетенций МГИМО.

Программа была построена как серия мастер-классов ведущих преподавателей МГИМО, руководителей музеев, выставочных комплексов, информационных агентств, телевизионных каналов, известных журналистов и телеведущих.

Летняя программа завершилась защитой слушателями проектных работ, которые содержали в себе реальные цели и задачи имиджевого позиционирования Узбекистана. 5 групп подготовили презентации 5 заявочных городов (Ташкент, Самарканд, Бухара, Навои, Фергана) на проведение EXPO 2025. Все участники успешно справились с защитой проектов и победителем стала команда, представлявшая Фергану.

Для библиотеки УМЭД профессор, заведующий кафедрой Московской школы экономики МГУ В.Б. Кувалдин подарил восемь авторских книг «Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные Отношения».

Благодаря договоренностям между МГИМО и УМЭД намечена реализация краткосрочных программ повышения квалификации на базе МГИМО для студентов и магистрантов УМЭД.

Другим партнером УМЭД является Лондонский университет Метрополитен, с которым наш университет сотрудничал в проектах Британского Совета ТЕМПУС и ЭРАЗМУС+. Так, в рамках проекта INSPIRE Британского Совета в течение 3 лет кафедра английского язы-

ка усовершенствовала программу английского языка, введя новые курсы устного и письменного перевода. 7 преподавателей кафедры прошли стажировку в Лондонском университете Метрополитен, коллеги из Великобритании провели серию мастер-классов и семинаров для преподавателей и студентов университета. Студенты участвовали в международной олимпиаде по английскому языку, организованной Лондонским университетом Метрополитен и 3 победителя прошли обучение в летней школе по переводу. В рамках проекта Британский Совет предоставил для библиотеки УМЭД учебную литературу по переводу, а также художественную литературу современных английских авторов.

– Несомненно, востребованность в специалистах по гидовскому сопровождению и переводческой деятельности многократно возрастает и в связи с развитием в Узбекистане туристической отрасли. Хотелось бы узнать, существуют ли договоренности о сотрудничестве со структурами Государственного комитета по развитию туризма Республики Узбекистан?

Партнером УМЭД является Лондонский университет Метрополитен, с которым университет сотрудничал в проектах Британского Совета ТЕМПУС и ЭРАЗМУС+. Так, в рамках проекта INSPIRE Британского Совета в течение 3 лет кафедра английского языка усовершенствовала программу английского языка, введя новые курсы устного и письменного перевода.

Е.Б.: В связи с кардинальными мерами, предпринимаемыми в стране по развитию туризма, и подписанием Указа Президента Республики Узбекистан от 3 февраля 2018 г. № УП-5326 «О дополнительных организационных мерах по созданию благоприятных условий для развития туристического потенциала Республики Узбекистан», задача подготовки специалистов по гидовскому сопровождению и переводческой деятельности стала одной из приоритетных. И конечно же, в процессе подготовки специалистов по новому направлению УМЭД тесно сотрудничает со структурами Государственного комитета по развитию туризма Республики Узбекистан. Как результат совместной работы 1 марта 2018 г. был подписан Меморандум о сотрудничестве между УМЭД и Государственным унитарным предприятием «Учебно-консалтинговый центр туризма» при Государственном комитете по развитию туризма Республики Узбекистан. Как известно, деятельность данного центра направлена на повышение квалификации и переподготовку кадров в сфере туризма, и наши совместные разработки, несомненно, послу-

жат обеспечению интеграции образования, науки и производства, внедрению эффективных механизмов подготовки высококвалифицированных кадров.

– Расскажите, пожалуйста, о критериях отбора абитуриентов, поступающих в УМЭД.

Е.Б.: Прежде всего это абитуриенты, имеющие действующие сертификаты международных экзаменационных систем TOEFL, IBT, IELTS, CEFR, Тест DaF, GOETHE, сертификат DELF, а также сертификаты в соответствии с требованиями Постановления Кабинета Министров Республики Узбекистан от 11 августа 2017 г. № 610 «О мерах по дальнейшему совершенствованию качества преподавания иностранных языков в образовательных учреждениях». Всем им предоставляют возможность получить максимальный балл по иностранному языку.

Абитуриенты магистратуры, у которых нет международных сертификатов, имеют возможность пройти как внутреннее, так и внешнее тестирование на общих основаниях и при успешном прохождении тестирования стать магистрантами УМЭД.

Вступительный тест для магистратуры готовится членами приёмной комиссии по английскому языку УМЭД. Данный тест состоит из тестовых заданий на все четыре навыка письменной и устной речи (Reading, Listening, Writing, Speaking), в экзамен также включаются письменный перевод на родной язык и письменный перевод с родного языка на английский.

– Хотелось бы узнать, какие ещё новые формы подготовки специалистов по гидовскому сопровождению разрабатываются в УМЭД?

В процессе подготовки специалистов по новому направлению УМЭД тесно сотрудничает со структурами Государственного комитета по развитию туризма Республики Узбекистан.

Г.И.: С 11 января по 11 мая 2018 г. в УМЭД начались 4-месячные курсы по подготовке гидов-волонтеров для обслуживания VIP-делегаций. В группу входят 63 студента из различных вузов г. Ташкента. Данный курс организован совместно с МВССО. Для него разработана специальная программа, которая включает теоретические и практические занятия по иностранным языкам (английский, немецкий, испанский, японский, корейский, дари, фарси, индонезийский, китайский, арабский), по общественно-экономической политике Узбекистана, по основам тури-

стической и экскурсионной деятельности, страноведению. В программу также включены занятия по искусствоведению, дипломатическому протоколу, культуре речи, постановке голоса и пластике.

Для занятия с гидами-волонтерами привлечены лучшие преподаватели УМЭД, Института культуры, консерватории. В программу включены практические занятия в городах Самарканде, Бухаре, Хиве и Фергане, кроме того, запланирована двухнедельная стажировка в МГИМО.

Для занятия с гидами-волонтерами привлечены лучшие преподаватели УМЭД, Института культуры, консерватории. В программу включены практические занятия в городах Самарканде, Бухаре, Хиве и Фергане, кроме того запланирована двухнедельная стажировка в МГИМО.

– Благодарю вас, Гульчехра Насыровна и Елена Владимировна, за интересную беседу и от имени читателей журнала «Международные отношения» желаю вам больших успехов в достижении намеченных целей.

Н. Рахматуллаева

О французской школе центральноазиатских исследований

В западной ориенталистике существуют две крупные школы с историческими традициями, внесшие большой вклад в развитие центральноазиатского направления: это советско-русская и французская школа. Французская школа центральноазиатских исследований уступала советско-русской в силу таких объективных причин, как ограниченность доступа к местности, малая ресурсообеспеченность и узкий спектр предмета исследования. Только к 1980-м годам французские исследователи в сотрудничестве с советскими коллегами имели некоторую возможность непосредственно изучать регион. Часто французские исследователи были энтузиастами, располагавшими скудными ресурсами и не имеющими никакой помощи со стороны французских официальных властей. Для сравнения: советская археология в Средней Азии была государственным учреждением, в котором участвовали крупные коллективы, использующие богатое разнообразие методов и средств. Как отмечает французский археолог Ф.Грене, эти методы и средства могли быть весьма значительными. Например, в Хорезме советский археолог С.Толстов имел возможность использовать для фотосъемки военные самолеты, что позволило создать первую диахроническую карту древних ирригационных сетей, не имевшую аналога в масштабе страны [1]. В отличие от энциклопедического, междисциплинарного характера советско-русских исследований французские исследователи Центральной Азии имели возможность изучать регион лишь в географическом и археологическом аспектах.

Рахматуллаева Н., докторант (PhD) УМЭД.

На протяжении развития французского востоковедения объект научного исследования, обозначаемый термином «Центральная Азия», сильно отличался от того, что под ним представляется сегодня. Центральная Азия стала восприниматься как единое культурно-антропологическое, социальное и геополитическое пространство совсем недавно, так как ее становление в качестве географической реальности было очень медленным. И даже сегодня во французском обществе, когда речь идет о Центральной Азии, у многих возникают вопросы о размещении данного региона в конкретном географическом, политическом и культурно-лингвистическом контексте.

На протяжении развития французского востоковедения объект научного исследования, обозначаемый термином «Центральная Азия», сильно отличался от того, что под ним представляется сегодня. Центральная Азия стала восприниматься как культурно-антропологическое, социальное и геополитическое пространство совсем недавно, так как ее становление в качестве географической реальности было очень медленным.

Во Франции термин «Центральная Азия» (*Asie centrale*) был введен в научный оборот в 1825 г. китаеведом Юлиусом Клапротом [2]. До этого на Западе пространство Центральной Азии обозначали термином «Татария» («Тартария»). Термин «Татария» использовался в XII-XIX вв. для обозначения обширного региона от Каспия до Тихого океана и от Сибири до Индии (рис. 1), который в современном европейском востоковедении называют Внутренней, или Центральной, Евразией. «Тартария» и «тартары» происходят от этнонима «татары», под которыми первое поколение востоковедов понимали все тюркские и монгольские народы, не слишком различая их по языковой и этнической принадлежности. Вплоть до XVIII в. сведения о них и их государствах оставались неполными и фрагментарными. Следует отметить, что история этих терминов негативно отразилась на самом способе восприятия этих народов в долгосрочной перспективе: в западноевропейском востоковедении укоренился вариант терминов «тартары» и «Тартария», интерпретируемые как «выходцы из Тартара (ада)» и «далёкие неизведанные земли, откуда Европе угрожали «дикие, несущие ужас» кочевые племена».

Французское востоковедение открыло для себя Центральную Азию как объект исследования благодаря развитию, в первую очередь, таких дисциплин, как ***исламоведение***, ***тюркология*** и ***синология***. На протяжении нескольких веков интерес Франции к исламу привел к интенсификации исламоведческих исследований, в том числе к изу-

Рис. 1. Великая Тартария, 1708 г.

чению центральноазиатского ислама. Альянс Франции с Османской империей, продолжавшийся 270 лет, дал толчок развитию во Франции практической тюркологии, которая впоследствии сформировалась как самостоятельная научная дисциплина. Более того, благодаря содействию османских властей французские миссионеры, исследователи, дипломаты свободно путешествовали по всей Азии вплоть до Индии.

Миссионерские экспедиции в Китай обусловили стремительное развитие синологии, что привело к значительному расширению источниковедческой базы для французских исследователей. С учетом того, что в большинстве китайских источников содержались сведения о тюркских и центральноазиатских землях, происходило взаимообогащение тюркологии и синологии.

Французское востоковедение открыло для себя Центральную Азию как объект исследования благодаря развитию в первую очередь таких дисциплин, как исламоведение, тюркология и синология.

В условиях крестовых походов на Восток в XI-XIII вв. началось углубленное изучение ислама в целях его опровержения, были осуществлены переводы Корана на латинский

язык, также ряда хадисов и других исламских канонических источников (эти интерпретации затем долгое время доминировали в восприятии ислама в Европе). В своей борьбе с исламом европейские монархи пытались найти союзника в лице империи монголов. В Центральную Азию были посланы несколько посольств, в том числе в 1249 г. во главе с Андре де Лонжюмо и в 1252 г. во главе с Гильомом де Рубруком. Отчеты Г.Рубрука об этих посольствах содержали множество географических сведений, а его вклад в средневековую географическую литературу сопоставим с вкладом Марко Поло. В целом эти и другие источники того времени составили основу средневековых представлений европейцев о Центральноазиатском регионе.

Изучение и коллекционирование мусульманских источников продолжилось и позже. В 1697 г. в Париже выходит в свет «Восточная библиотека» Бартелеми Д'Эрбело де Моленвиля, которая представляет собой словарь, посвященный всему Востоку и составленный на базе восточных источников. Количество статей о Центральной Азии занимает в этом сочинении значительное место, что свидетельствует о том, что французам была известна центральная роль региона в мусульманской классической культуре. В 1787-1790 гг. на французском языке был издан объемный труд «Полный обзор Османской империи» Мураджи Д'Оссона. Он рассматривает Османскую империю как продолжение ранее существовавших тюркских государств, уделяет внимание Центральной Азии как части исламской цивилизации. Его труд отличается качественно новым подходом к истории тюркских народов региона. С этого времени изучение Центральной Азии происходит во все более тесной взаимосвязи с тюркологией [3].

Французское центральноазиеведение, богатое своим востоковедческим прошлым, смогло быстро развиться в 1990-2000-х годах благодаря активным изменениям в соответствующих странах, вызвавших интерес у молодого поколения исследователей.

Французская синология также внесла огромный вклад в изучение Центральноазиатского региона. У истоков возникновения синологии в XVII-XVIII вв. стояли такие видные исследователи с их трудами, как Ж. де Гинь (*«Всеобщая история гуннов, тюрков, монголов и других западных тартар в древности и до настоящего времени», 1756-1758 гг.*), Ф.Жербийон (*«Великая Тартария», 1779 г.*), К.Висделу (*«История Тартарии», 1779 г.*) и др. К XIX в. Франция прочно закрепляет за собой статус первой синологической державы Европы.

В XIX-XX вв. изучение истории Центральной Азии в рамках синологии связано с именами Э.Шаванна и его ученика П.Пельо, которые,

Эта эволюция знаменует собой выход Центральной Азии из своего приграничного статуса в западном востоковедении (ориенталистике) и ее «нормализации», что позволяет уже говорить об отдельно формирующейся региональной отрасли как центральноазиеведение (наряду с тюркологией, синологией, монголоведением и т.д.).

с одной стороны, внесли огромной вклад в дальнейшее развитие центральноазиатских исследований, но вместе с тем способствовали усилению китаецентризма в центральноазиатских исследованиях во Франции. В результате на протяжении XX в. регион Центральной Азии представлялся и изучался исключительно с точки зрения его взаимоотношений с Китаем.

Ситуация начала меняться к концу XX в. Благодаря критическому анализу накопившихся к тому времени знаний выяснилось, что при исследовании Центральноазиатского региона применялся исключительно один подход – взгляд извне. С учетом произошедших изменений как в самом центральноазиеведении (открытие вновь согдийского и бактрианского языков), так и в политической карте региона (отныне открытый непосредственный доступ к региону) исследователи заговорили о необходимости освобождения центральноазиатских исследований от многочисленных влияний.

Французское центральноазиеведение, богатое своим востоковедческим прошлым, смогло быстро развиться в 1990-2000-х годах благодаря активным изменениям в соответствующих странах, вызвавших интерес у молодого поколения исследователей. Этот динамизм был поддержан учреждением в 1993 г. Французского института центральноазиатских исследований (IFEAC), который служил школой для французских исследователей-докторантов и придал центральноазиатским исследованиям международную значимость.

Структурированные вокруг нескольких ключевых французских институтов, таких как Национальный центр научных исследований (CNRS), Коллеж де Франс (Collège de France), Практическая школа высших исследований (EPHE), Высшая школа социальных наук (EHESS), Национальный институт восточных языков и культур (INALCO), Университеты Париж I, Париж III, Париж VII и Париж X, археологические миссии в Центральную Азию, IFEAC и французские исследовательские институты в соседних регионах (в Москве, Тегеране и Кабуле), они насчитывают приблизительно 70 специалистов [4].

Если в 1990-х годах такие специализированные учреждения, как INALCO и EHESS, были главными центрами подготовки специалистов – исследователей региона, то в 2000-х годах с увеличением

числа университетов и институтов, готовящих специалистов по региону, они потеряли эту почти полную монополию. Будущие специалисты по региону отныне проходят подготовку в рамках широкого спектра дисциплин (история, социология, антропология, экономика, политические науки и т.д.), не ограничиваясь только курсами в пределах географии или археологии. *Эта эволюция знаменует собой выход Центральной Азии из своего приграничного статуса в западном востоковедении (ориенталистике) и ее «нормализации», что позволяет уже говорить об отдельно формирующейся региональной отрасли как центральноазиеведение (наряду с тюркологией, синологией, монголоведением и т.д.).*

Во французском центральноазиеведении Центральная Азия (иногда называемая Центральная Евразия) ныне уже понимается в широком смысле и включает в себя Казахстан, Киргизстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, а также Афганистан и Синьцзян (рис. 2).

В течение последних трех десятилетий центральноазиатские исследователи обзавелись необходимыми инструментами для обеспечения дальнейшего развития. Во Франции стало возможным пройти полный университетский курс в области центральноазиатских исследований вплоть до написания диссертации и прохождения постдокторской стажировки. Диссертационные исследования в области социально-гуманитарных наук свидетельствуют о появлении вновь ярко выраженного интереса к этому «новому» культурно-антропологичес-

Рис. 2. Центральная Азия, 2010 г.

кому, социальному и геополитическому пространству, при этом исследовательские тематики постоянно меняются с учетом актуальности проблем. В 1990-х годах вопросы идентичности, государственности и повторное открытие «традиций» были самыми значимыми тематиками исследований, за которыми в 2000-х годах последовали тематики, направленные на социальные реалии (миграция, трансформация городской и сельской структуры, исследования экономического сектора). Работы, связанные с исламом, как и прежде, остались значительными. Однако исторические исследования, особенно по царскому и советскому периоду, являются малочисленными по сравнению с их значимостью в англо-саксонском мире или японских исследованиях.

Диверсифицированные исследования усиливаются также наличием нескольких журналов (например, *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*), библиографических изданий (*Abstracta iranica*), фондов (в том числе богатой коллекции Университетской библиотеки языков и культур (*BULAC*)) и коллекций при престижных издательствах.

Вместе с тем французская школа центральноазиатских исследований в своем развитии сталкивается с рядом проблем и препятствий. Она пока не обладает единой структурой, которая позволила бы охватить регион Центральной Азии в его географической, хронологической и дисциплинарной совокупности. За исключением нескольких коллективов, исследователи разбросаны по отдельным учреждениям, специализирующимся не на самой Центральной Азии, а на регионах по периметру Центральной Азии. Обеспеченность работой подготовленных специалистов все еще крайне низка, что вынуждает многих французских исследователей Центральной Азии продолжать свою деятельность за рубежом (в основном в США). Также, по мнению специалистов, французское центральноазиеведение находится в невыгодном положении из-за своей недостаточной интегрированности в международные сети, особенно из-за отсутствия публикаций на английском языке, что делает его по большей части недоступным иностранным исследователям.

И все же, несмотря на имеющиеся проблемы, центральноазиатские исследования во Франции в настоящее время пользуются значительным спросом в политическом, социальном и экономическом плане, а молодое поколение исследователей проявляет интерес и мотивацию к углубленному изучению Центральноазиатского региона.

Литература

1. Грене Ф. В центре внимания – Центральная Азия: Вступительная лекция, прочитанная 7 ноября 2013 года. – Paris: Collège de France, 2016. – httpHYPERLINK «http://books.openedition.org/cdf/4101»://HYPERLINK «http://books.openedition.org/cdf/4101»booksHYPERLINK «http://books.openedition.org/cdf/4101».HYPERLINK «http://books.openedition.org/cdf/4101»openeditionHYPERLINK «http://books.openedition.org/cdf/4101».HYPERLINK «http://books.openedition.org/cdf/4101»orgHYPERLINK «http://books.openedition.org/cdf/4101»/HYPERLINK «http://books.openedition.org/cdf/4101»cdfHYPERLINK «http://books.openedition.org/cdf/4101»/4101

2. Там же.

3. *Лаумулин М.* История Казахстана и Центральной Азии в мировой ориенталистике (к 550-летию Казахского ханства). – Астана: КИСИ, 2015. – с.37.

4. *Gorshenina S.* Les études centrasiatiques. – Carnet RESAP-Livre blanc des recherches sur l'Asie et le Pacifique, 17 juillet 2012. – http://resap.hypotheses.org/67

А. Рахимов

Реформы в Узбекистане. Strategic Comments*

Содержание, результаты и перспективы проводимых масштабных преобразований в Узбекистане находятся в центре внимания зарубежных исследовательских кругов. Авторитетное издание Лондонского международного института стратегических исследований *Strategic Comments* представило собственный развернутый анализ масштабных экономических реформ и структурных преобразований в Узбекистане.

По мнению авторов, амбициозные политические и экономические реформы, осуществляемые Президентом Узбекистана Шавкатом Мирзиёевым, могут оказать огромное влияние на всю Центральную Азию. Узбекистан является самой густонаселенной страной Центральной Азии и ее географическим центром. Эти особенности делают республику естественным историческим, политическим и экономическим источником трендов развития региона.

Как отмечает издание, новый президент унаследовал изолированную, контролируемую государством экономическую систему, характеризующуюся хронической коррупцией, весьма скромными объемами иностранных инвестиций и крайне ограниченной ролью частного предпринимательства. Узбекистан занимал непримиримую и несговорчивую позицию касательно некоторых региональных отношений. Однако опыт на посту премьер-министра, похоже, дал новому президенту

Рахимов А., главный научный сотрудник Центра международных экономических и политических исследований при УМЭД.

* *Strategic Comments* - издание Лондонского международного института стратегических исследований (IISS), анализирующее стратегические вопросы международной и региональной безопасности. // Vol. 24, Comment 29, September 2018.

ясное понимание того, что необходимо изменить, и он быстро запустил далеко идущие реформы. Уже в феврале 2017 г. правительство объявило о широкой программе рыночных реформ в отношении пяти приоритетных областей: государственное управление; верховенство закона и судебная власть; экономический рост и либерализация; системы социальной защиты; внешняя политика и политика в области безопасности.

Одним из наиболее важных событий стала реформа либерализации валютного режима. В сентябре 2017 г. был ликвидирован большой разрыв между официальным обменным курсом и курсом черного рынка, который ранее позволял извлекать прибыль в корыстных интересах. Официальный обменный курс был снижен примерно на 50%, и узбекский сум начал функционировать в режиме управляемого плавающего курса. Была отменена обязательная продажа доли экспортных доходов компаний Центральному банку Узбекистана.

Когда Узбекистан значительно смягчил визовые требования, значительно расширился список стран, освобожденных от визового режима. Более того, правительство ввело новую краткосрочную транзитную визу, упростило процесс подачи заявлений и запустило электронную визовую систему. Это способствовало развитию туризма, являющегося потенциальным важным источником доходов для Узбекистана, а также расширению деловых поездок. С 2019 г. планируется отмена выездных виз для граждан Узбекистана.

Радикальная налоговая реформа также идет полным ходом и представляется многообещающей. Правительство провело широкие консультации, обнародовало концепцию реформы и установило обратную связь для обсуждения преобразований в налоговой сфере. Новое налоговое законодательство, которое должно быть введено с января 2019 г., помимо упрощения системы, должно обеспечить уравнивание налоговой нагрузки между малыми и крупными фирмами и снижение налогов с трудовых ресурсов для стимулирования создания рабочих мест, а также расширение базы налогообложения с налога на добавленную стоимость для сохранения доходов.

Другие изменения в финансовой сфере включают в себя расширение независимости Центрального банка, введение нового законодательства по развитию конкуренции и государственно-частного партнерства, работу по улучшению экономических статистических данных, снижение импортных тарифов в среднем с 15,6 до 7%, разработку официальных предварительных планов вступления в ВТО. В основе этой повестки, как отмечает *Strategic Comments*, лежит осторожная макроэкономическая политика.

Произошли также важные политические изменения. Некоторые политические заключенные были выпущены на свободу, около 16 тыс. граждан были исключены из черного списка лиц, подозреваемых в потенциальном экстремизме. Исправительная система реформируется, в тюрьмах устанавливаются видеокамеры для предотвращения злоупотреблений.

Правительство распорядилось прекратить использование принудительного труда на хлопковых полях. В преддверье важного политического события – проведения намеченных на конец 2019 г. парламентских выборов осуществляются меры по обеспечению большей открытости в СМИ.

Особое внимание *Strategic Comments* уделяет изменениям в региональной политике Узбекистана. Ш.Мирзиёев выбрал конструктивный подход к региональным отношениям, приносящий быстрые позитивные результаты. Он провел с каждым из лидеров Центральноазиатского региона переговоры, направленные на улучшение отношений. Вновь открылись пограничные переходы, ослаблен пограничный контроль и восстановлено авиасообщение со многими городами региона. Узбекистан отказался от жесткой позиции в отношении гидроэнергетических проектов в Кыргызстане и Таджикистане, приняв более кооперативный подход к решению водохозяйственных вопросов региона.

Узбекистан стал участвовать в посреднических усилиях по урегулированию конфликта в соседнем Афганистане. В марте 2018 г. Ташкент был предложен как площадка для проведения мирных переговоров между правительством Афганистана и движением «Талибан». В августе 2018 г. делегация талибов посетила Ташкент.

По мнению экспертов Strategic Comments, указанные изменения, происходящие в Узбекистане, имеют серьезные положительные последствия для всей Центральной Азии, в том числе для Афганистана. Исторически так сложилось, что Узбекистан является экономическим центром региона. Он занимает центральное географическое положение и является самой густонаселенной страной Центральной Азии с населением порядка 32 млн чел. Более открытый и процветающий Узбекистан может катализировать торговлю и экономический рост во всей Центральной Азии, что положительно скажется на политической стабильности во всем регионе.

Отношения с Россией также улучшились. Россия, вероятно, станет важным партнером в содействии по сохранению безопасности и притоку инвестиций в энергетический сектор. Москва предложила кредит 1 млрд долл. США на закупку российской военной техники и поставляет нефть для смягчения дефицита на внутреннем рынке Узбекистана.

В то же время Узбекистан по-прежнему предпочитает оставаться внеблоковым государством и вряд ли присоединится к Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) или Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), где доминирует Россия.

Улучшились и отношения республики с Западом. Правительство также развивает торговые связи с Китаем путем разработки проектов в рамках инициативы «Один пояс – один путь» и ШОС.

Исследователи *Strategic Comments* также обращают внимание на проблемные аспекты при проведении реформ в Узбекистане. В частности, они указывают на необходимость создания достаточного числа рабочих мест в условиях растущего демографического давления. Это является главным вызовом для Узбекистана, где рынок рабочей силы увеличивается примерно на 500-600 тыс. чел. в год, в то время как в стране создается всего лишь около 200 тыс. рабочих мест.

Как отмечает издание, доля населения трудоспособного возраста в Узбекистане начала резко возрастать в середине 1990-х годов и может увеличиваться вплоть до середины 2030-х годов. Около трети населения составляют лица в возрасте до 14 лет. Это потенциально может дать серьезный толчок экономическому росту; схожая демографическая ситуация, к примеру, в странах Восточной Азии легла в основу их «экономического чуда». Однако в условиях недостаточного развития рынка труда в Узбекистане миллионы людей вынуждены искать работу за рубежом, в основном в России. Миграция может выступать в качестве «предохранительного клапана», но в долгосрочной перспективе она принесет значительные издержки для страны.

Аналитики *Strategic Comments* рассматривают также несколько вариантов перспективных преобразований в Узбекистане. Многое будет зависеть от того, как далеко шагнет Узбекистан в проведении экономических реформ, поэтому впереди стоят сложные задачи. Среди них называют проблемы с государственными предприятиями, вопросы монополистической практики формирования ценообразования, приведение цен на энергоносители к уровню возмещения затрат на их производство, модернизацию банковского и сельскохозяйственного секторов.

В то же время отмечается, что Узбекистан начинает реформы с гораздо более выгодных позиций, чем многие другие страны с переходной экономикой. Банковский сектор и государственные финансы находятся в неплохом состоянии, государственный и внешний долги на низком уровне (соответственно 24% и 41% от ВВП на конец 2017 г.), а валютные резервы достаточно высоки (эквивалентны стоимости импорта товаров и услуг на 19 месяцев), что обеспечивает стране значительный буфер. Поскольку правительство не сталкивается с серьезными кризис-

ными явлениями, оно может позволить себе не торопиться с проведением рискованных изменений.

Как одна из последних стран, интегрировавших в мировые рынки, Узбекистан имеет возможность избежать чужих ошибок. Страна также выигрывает от растущей помощи со стороны международных организаций. Даже несмотря на то, что западное содействие Узбекистану несопоставимо с предоставленной поддержкой Афганистану, выгоды от реформ в Узбекистане много значат для региональной стабильности. Инвестиции иностранных компаний пока ограничены, но инвесторы проявляют значительный интерес, так как Узбекистан предлагает большой неосвоенный рынок. Большинство компаний по-прежнему находятся в режиме «выжидания», что отражает сохраняющиеся проблемы с бизнес-климатом, включая отсутствие равных условий во многих секторах, а также логистические проблемы (отсутствие прямого выхода к морю). Тем не менее, как отмечают эксперты, если реформы будут продолжаться, прямые иностранные инвестиции в Узбекистан значительно возрастут.

Сохраняются значительные препятствия на пути осуществления президентской программы. Одним из них является весьма ограниченный потенциал для проведения реформ и их эффективного осуществления в большей части государственного сектора. Поскольку президент выступает за быстрое продвижение преобразований, государственная служба испытывает определенные трудности. Очевидно, имеются возможности для совершенствования на основе более дисциплинированной расстановки приоритетов и комплексного межведомственного подхода.

Существуют также социальные издержки, как это было в случае с валютной либерализацией, приведшей к росту инфляции с 5,7% в 2016 г. до 14,4% в 2017 г. Правительство осознает эти издержки и в разумных пределах умело борется с ними. Оно получило значительную поддержку в обществе благодаря уже проведенным реформам. Однако рост социальных издержек может в конечном счете ослабить энтузиазм в отношении реформ, равно как и привести к разочарованию в плане привлечения инвестиций и стимулирования создания рабочих мест.

Узбекистан также уязвим перед внешними экономическими потрясениями. На сырьевые товары приходится значительная доля его экспорта (в частности, природный газ, хлопок-сырец и золото), а денежные переводы мигрантов составляют значительную долю доходов домохозяйств, равную примерно 8% ВВП в год в среднем за последнее десятилетие. Сбои в получении этих источников дохода могут повлиять на ситуацию.

Наконец, перед правительством встают проблемы окружающей среды. Узбекистан сталкивается с серьезными экологическими вызовами, в частности, с советским наследием, включая отсутствие культуры управления водными ресурсами и засоление сельскохозяйственных земель. Учитывая, что изменения климата усугубляют экологические проблемы Узбекистана, правительству также необходимо отвечать на этот вызов.

Эксперты *Strategic Comments* подчеркивают, что Президент Ш.Мирзиёев ясно дал понять, что именно он хочет исправить. В широком плане идея перемен состоит в переходе от управляемой государством модели развития в сторону рыночной модели развития с гораздо большей ролью частного сектора. В то же время, по мнению *Strategic Comments,* говорить о формировании определенной узбекской модели развития пока преждевременно. Подобная проблема возникала и для восточноазиатских стран на протяжении большей части их экономических преобразований. Не очевидно, что правительство Узбекистана в своих реформах ориентируется на какой-либо конкретный пример. В этой связи эксперты *Strategic Comments* склонны рассматривать преобразования в Узбекистане через призму модернизации.

Западные аналитики приходят к выводу, что в целом политика нового руководства Узбекистана движется в многообещающем направлении, широкая и амбициозная программа реформ знаменует собой серьезный прорыв, что может иметь далеко идущие последствия для всех стран Евразии. Модернизация экономики Узбекистана будет способствовать экономическому росту и политической стабильности в Центральной Азии. В случае успеха реформы могут также представить Узбекистан в качестве позитивной модели для других стран мусульманского мира.

У. Хасанов

Иэн Бреммер: «Мы против них: провал глобализма». Bremmer Ian. Us vs. Them: The Failure of Globalism. N.Y: Penguin. (2018)

Современная американская политическая наука, ее видные представители, известные американские ученые, исследователи, «вдохновители» левых политических кругов во главе с известным аналитиком Уильямом Грейдером довольно серьезно обеспокоены неконтролируемым ростом неолиберализма, ведущим к системному кризису всей модели глобализма.

Когда брекзит и избрание Дональда Трампа в 2016 г. позволили почувствовать недвусмысленные сигналы в пересмотре прежних устоев и принципов глобализма, это логически легло в основу исследования процессов ведущими аналитиками, среди которых Иэну Бреммеру отводится особое место [1]. Здесь вкратце остановимся на заслугах этого ученого в науке. Иэн Бреммер получил степень PhD по политологии в Стэнфордском университете еще в 1994 г. и стал самым молодым ученым, когда-либо приглашенным в Гуверовский институт. Ему было присвоено звание профессора глобальных исследований Нью-Йоркским университетом, а также он занимал важные академические должности в Колумбийском университете и Институте мировой политики.

Иэн Бреммер в 1998 г. основал Eurasia Group, уже превратившуюся в ведущую мировую консалтинговую компанию по политическим рискам с офисами в Нью-Йорке, Вашингтоне, Лондоне, Токио, Сингапуре, а также сеть солидных экспертов и ресурсов в 90 странах. Eurasia Group готовит экспертные исследования и оценки политических событий, динамики международной безопасности и изменений в инвестиционном климате во всем мире. Выражая особую гордость своими армян-

Хасанов У., канд. полит.наук, заведующий кафедрой Международные отношения УМЭД.

Основанный в 1998 г. Иеном Бреммером Eurasia Group готовит экспертные исследования и оценки политических событий, динамики международной безопасности и изменений в инвестиционном климате во всем мире.

скими корнями, он отмечает, что его «...бабушка Яна Мария (дочь Саймона Орфаляна и Турфанд Поладян, эмигрировавших из сирийского Алеппо еще в начале 20-х годов прошлого века в США), была очень умной женщиной с огромной харизмой, которая никогда не ждала ни от кого помощи» [2]. Иэн унаследовал свою любовь к политике от нее: «Она была очень политически активной: она создала «седовласую законодательную власть» в Массачусетсе для пожилых людей, чтобы продвигать законодательные акты по их социальной поддержке [3].

Особо стоит отметить, что Иэн Бреммер ввел первый глобальный индекс политических рисков (GPRI) на Уолл-стрит, который стал одним из главных критериев и условий в принятии решений по инвестиционной деятельности крупнейшими транснациональными корпорациями и финансовыми институтами. Он выступил инициатором учреждения Глобального совета по геополитическим рискам при Всемирном экономическом форуме в г. Давос. Ему принадлежит авторство нескольких национальных бестселлеров, таких как «Каждая страна за себя: Победители и проигравшие в мире G-ноля» и «Конец свободного рынка: кто выигрывает войну между государствами и корпорациями?», а также сотен статей и публикаций в таких изданиях, как Financial Times, Reuters, Wall Street Journal, Washington Post, New-York Times, Newsweek, Harvard Business Review и Foreign Affairs. К его экспертному мнению апеллируют такие влиятельные мировые СМИ, как Forbes, CNBC, Fox News, Bloomberg TV, Национальное общественное радио США, BBC и другие.

Иэн Бреммер и ранее исследовал причины провала глобализма и довольно тщательно изучал потенциальный сценарий системного надлома всей архитектуры международных отношений, основанной на принципах глобализма. Именно такой фокус исследования выбран И.Бреммером для новой книги «Мы против них: провал глобализма», изданной в США в нынешнем году и уже ставшей бестселлером [4]. По его мнению, провал глобализма не связан с брекзитом или Трампом, а скорее всего вытекает из более глубоких особенностей нынешнего политического и экономического развития, трансформирующих и меняющих конфигурацию, а по сути облик современного мира [5].

Основной посыл книги Иэна Бреммера состоит в том, что глобализм разочаровал все более крупные сегменты растущего рабочего и среднего класса США о более высоком уровне жизни в развитом мире. Потуги

глобализма были направлены западными популистами в различные формы политики по модели «мы против них», которые повсеместно представляли собой явно контрпродуктивный ответ на вызовы глобального корпоративного капитализма. Противоречия, которые имманентно отталкивают от политики транснационального капитала, глубоко укоренились, скорее всего будут усиливаться и не исчезнут в ближайшие десятилетия. И.Бреммер цитирует комментарий Стива Бэннона, одного из лидеров Республиканской партии США, главного стратега и старшего советника 45-го президента США Дональда Трампа, сделанный сразу же после победы Трампа на выборах: «... сейчас проблема заключается в том, что американцы хотят, чтобы их не обманывали» [6]. Кто бы спрашивал? Ответ держат прежде всего группы, в которую входят глобалистские элиты республиканской и демократической партий, основные торговые партнеры США.

В этой связи стоило бы рассмотреть базовое значение глобализма, термина, определение которого И.Бреммер оставляет на усмотрение самого читателя. В то же время значение глобализма наиболее актуально для всего исследования и по сути затрагивает дискурс в современной американской политической науке, в частности, в школе профессора Манфреда Стейгера [7], директора центра исследования глобализма Университета Гавайи, ***о глобализме как идеологии глобализации***.

Как объективное явление глобализация – это просто углубление политических, экономических и культурных связей между различными регионами мира. В качестве такового глобализм имеет целью определить, что такое глобализация. Это интеграция национальных экономик в глобальный рынок. Это результат технологического развития, а не политического выбора. Именно в таком ракурсе глобализм неизбежен, и его невозможно остановить. Более того, по мысли И.Бреммера, «...глобализм прогрессивен, потому как продвигает общее благо всему человечеству. Не следует слишком беспокоиться по поводу экономического смещения секторов рабочего класса в развитых странах. Эти потери более чем компенсируются успехами примерно миллиарда людей, которые были выведены из нищеты в результате распрост-

Основной посыл книги Иэна Бреммера состоит в том, что глобализм разочаровал все более крупные сегменты растущего рабочего и среднего класса США о более высоком уровне жизни в развитом мире. Противоречия, которые имманентно отталкивают от политики транснационального капитала, глубоко укоренились, скорее всего, будут усиливаться и не исчезнут в ближайшие десятилетия.

ранения глобализма в развивающемся мире. С точки зрения политики глобализм призывает использовать фразу, придуманную политикой, соответствующей рыночной конъюнктуре Ангелы Меркель, что отражает глобалистское утверждение о том, что рыночным силам нужно подчиняться, и любой, кто настолько глуп, чтобы противостоять им, попустительствует своим собственным разрушениям.» [8].

Иэн Бреммер признает провал глобализма, но остается привязанным к его политическим парадигмам. Он считает, что протест против глобализации понятен и что нам не следует чураться или избегать сторонников Трампа, брекзита или других популистских движений по всему миру. Эти политические настроения являются реакцией на неконтролируемые миграционные потоки, террористические атаки и рост безработицы, где «масло в огонь будут подливать» многомиллиардные вливания в исследования и разработки искусственного интеллекта (ИИ) и промышленной роботизации. Эти новые технологии приведут к огромным потерям рабочих мест по всему миру. Согласно исследованию ЮНКТАД, на которое Бреммер ссылается, «...вызванная ИИ потеря рабочих мест угрожает 47% всех рабочих мест в Соединенных Штатах, 65% в Нигерии, 69% в Индии и 77% в Китае» [9]. Логика его рассуждений подводит читателя к мысли о том, что такие потери в традиционных отраслях экономики в сочетании с растущими последствиями глобального изменения климата приведут к увеличению миграционных потоков и соответственно более сильному желанию создавать новые барьеры в развитом мире, чтобы не пускать «их». Увеличение числа террористических атак также может быть вызвано разочарованиями, связанными с потерей работы, вызванной ИИ, что усугубит и без того уже существующее разочарование глобализмом.

Иэн Бреммер предлагает краткий обзор подверженности и высокой уязвимости рынков развивающихся стран разрушительным социальным последствиям новой волны безработицы, вызванным стагнацией и продолжающейся рецессией глобальной экономики. Он приводит как пример страны с благоприятными демографическими характеристиками (в первую очередь с большинством молодого населения, выходящих на рынок труда), переживающими внутренние конфликты и падение авторитета правительства, с разбухшим административным аппаратом управления, растущими государственными расходами, огромным внешним долгом, отсталой промышленно-технологической базой и инфраструктурой, которые и далее будут затянуты тисками социальной напряженности, сопровождаемой тяжелым кризисом в национальной экономике. К странам такой категории он относит Нигерию, Египет, Южную Африку, Индонезию и Венесуэлу [10].

Предложения, выдвигаемые Иэном Бреммером, – совершенствование образовательной политики, совершенствование схем переподготовки работников, реструктуризация налогов, экспериментирование с базовой политикой в области доходов и поощрение государственно-частных партнерств – имеют современное звучание. Многие из этих мыслей обсуждались критиками так называемого информационного капитализма, которые утверждают, что просвещенная социальная политика (часто в форме нового общественного договора) должна состоять из адаптации к базовым экономическим законам, принципы которых не могут быть изменены.

В этом контексте углубляющегося кризиса Бреммер подчеркивает привлекательность Запада в сравнении с остальным миром. «Национализм, – утверждает он, – проистекает из необходимости восстановления порядка посредством установления общей консолидации. В этом видится возможность противостояния силам, которые, как считается, порождают беспорядки и ставят под угрозу как общий, так и национальный суверенитет. Национализм, как протекционизм и форма защита национальной экономики, обещает построить крепкие стены, чтобы держать «их» в страхе» [11]. И.Бреммер утверждает, что «...необходимы политики, которые позволят успокоить рыночные силы, связанные с потерей рабочих мест, трансформацией, путем предоставления человеческого капитала посредством государственных инвестиций в образование и инфраструктуру» [12]. Он надеется, что эта политика может быть выработана путем «...пересмотра социальных договоров между гражданами, а не с помощью эмоционально удовлетворяющего проекта строительства стен» [13].

Предложения, выдвигаемые Иэном Бреммером, – совершенствование образовательной политики, совершенствование схем переподготовки работников, реструктуризация налогов, экспериментирование с базовой политикой в области доходов и поощрение государственно-частных партнерств – имеют современное звучание. Многие из этих мыслей обсуждались критиками так называемого информационного капитализма, которые утверждают, что просвещенная социальная политика (часто в форме нового общественного договора) должна состоять из адаптации к базовым экономическим законам, принципы которых не могут быть изменены. Хороший пример тому – работы выдающегося американского ученого, профессора политологии Калифорнийского университета в Беркли, министра труда при администрации Билла Клинтона Роберта Рейха [14].

Приближаясь к концу своего изложения проблем глобализма, Иэн Бреммер добавляет еще одно условие к возможности пересмотра социального договора между социумом и правительствам. «Любые серьезные изменения, – утверждает он, – должны быть приняты крупными экономическими элитами, настоящими победителями глобализма.» [15]. С этой точки зрения провал глобализма пока что связан только с неспособностью консервативных или либеральных глобалистов удержать власть. Богатая элита, которая стала намного богаче под властью глобализма, не столкнулась с какими-либо экономическими неудачами. Действительно, они были главными бенефициарами налоговой реформы Трампа. Все это заставляет задуматься о том, почему олигархический капитал не будет отдавать свою долю сторонникам строительства стен и, похоже, готовы вести борьбу против них и защищать существующие центры богатства. Возможно, анализ Бреммера следует рассматривать в первую очередь как вызов и сигнал к пересмотру своей политики «богатыми» странами.

Метод И.Бреммера основан на принципах закона стоимости, согласно которому все элементы человеческого и природного мира должны подчиняться бесконечному производству прибыли. Теория капитала - это не столько реальность, сколько проект мирового масштаба. Анализ Иэна Бреммера основан на том, как защитить этот проект на фоне вызовов, с которыми столкнулся мир.

Классики англо-американской политической мысли в лице Карла Мангейма и Гарольда Ласки делают ясное различие между утопизмом и реализмом, и именно их подход дает хорошую основу для оценки вклада Иэна Бреммера в понимание современных процессов в глобальном развитии через призму государства и внешнего мира, или, как предлагается последним, по модели «мы против них». Я бы сказал, что книга И.Бреммера – произведение чрезмерного реализма. По мнению Мангейма, чисто реалистический взгляд на мировую политику, который ориентирован исключительно на реальность и силу власти, может быть только отражением властных отношений и не будет иметь сколь-нибудь существенного политического видения будущего [16]. Экономический реализм И.Бреммера заключается в том, что рыночные силы и властные отношения, в которые они вложены, не подвержены изменениям. Чтобы набрать силу и иметь возможность реализовать себя, утопия должна основываться на реальности власти. Но существует также широкий спектр возможностей, который простирается от полюса реальности до полюса утопии. Бреммер находится на переднем крае континуума, предлагая ограниченный диапазон возможностей для изменений, основываясь на тех аспектах реальности, которые устойчивы к изменениям.

Стоило бы задаться вопросом – возможен ли альтернативный подход к методу И.Бреммера? Начнем с обозначения возможных альтернатив. Ссылаясь на ученого-эколога Сэмюэля Фассбиндера [17], можно понять, что метод И.Бреммера основан на принципах закона стоимости, согласно которому все элементы человеческого и природного мира должны подчиняться бесконечному производству прибыли. Теория капитала – это не столько реальность в определении Эдварда Карра, сколько проект мирового масштаба [18]. Анализ Иэна Бреммера основан на том, как защитить этот проект на фоне вызовов, с которыми столкнулся мир. Мы могли бы рассмотреть возможность реагирования на проблемы, которые мы ставим, а не на политику с точки зрения других проектов создания мира. Одним из таких проектов, обсуждаемых С.Фассбиндером, есть по сути дисциплина, направленная на организацию средств поддержания целостности существующих экологических систем. Такая дисциплина может быть воплощена в защиту окружающей среды, против бедности, в изучение сельских, племенных и коренных народов, которые остаются на обочине мировой экономики и борются против вторжения добывающих транснациональных корпораций [19].

Такая перспектива будет представлять более широкое видение того, кто является возможными игроками изменений в отношении провала глобализма. И.Бреммер считает, что перемены могут исходить от граждан, но должны быть поддержаны главными «двигателями», рычагами глобализации, имея в виду транснациональный капитал. Это исключает возможность изменений снизу или вероятность того, что такие изменения могут превысить пределы, которые допускаются разумными глобалистами. Например, И.Бреммер обсуждает экономику промышленно развитых стран, обсуждая возможные социальные контракты, которые могут адаптировать общества к необходимым техническим изменениям, вызванным ИИ. Нигде, однако, он не предлагает закономерный в таких случаях учет интересов трудящихся как основы производительных сил.

Наконец, затронем вопрос возможных последствий ИИ, сказывающихся на проблеме занятости в развивающихся странах. Следуя Полу Роджерсу [20], мы можем думать о бенефициарах неолиберального глобализма, распространяющегося в разных регионах мира, как о потенциале меньшинств, который на пике глобализма насчитывает примерно 1,5 млрд человек. Потеря работы, вызванная ИИ, является огромным потрясением для мира меньшинств, и средства, которые предлагает И.Бреммер, спасут только «меньшинство мира меньшинств». Затронутая И.Бреммером проблема заключается в несоответствии между воп-

росами, которые он излагает, и решениями, которые он предлагает. Анализ И.Бреммером провала глобализма, безусловно, заслуживает рассмотрения с точки зрения понимания основных проблем в современных международных отношениях и анализа потенциала изменений в рамках глобальных экономических и политических процессов.

Литература

1. *Coughlin Richard W.* Review – Us vs. Them: The Failure of Globalism by Ian Bremmer, SEP 6 2018, (https://www.e-ir.info/2018/09/06/review-us-vs-them-the-failure-of-globalism)
2. *Atamian Ch.* ROOTS SHAPING WORLDVIEWS. (https://auroraprize.com/en/news/detail/9391/roots-shaping-worldviews)
3. Ibidem.
4. *Bremmer Ian.* Us vs. Them: The Failure of Globalism. – N.Y: Penguin. 2018.
5. Ibidem. P.5.
6. Ibid. P.9.
7. *Steger M.* Globalism: the New Market Ideology. – Rowman and Littlefield, 2002. P.5.
8. *Bremmer Ian.* Us vs. Them: The Failure of Globalism. – N.Y: Penguin. (2018). P.27.
9. Ibidem. P.45.
10. Ibid. P.47.
11. Ibid. P.33.
12. Ibid. P.131.
13. Ibid. P.160.
14. *Reich R.* The Future of Success. – New York: Knopf.
15. *Bremmer Ian.* Us vs. Them: The Failure of Globalism. – N.Y: Penguin, 2018. P.166.
16. *Mannheim K.* Freedom, Power, and Democratic Planning. – Oxford University Press, 1950. P. 93.
17. *Fassbiner S. D.* Capitalist Discipline and Ecological Discipline. Green Politics and Practice // The Journal of Ecopedagogy, 4(4). P. 87.
18. *Carr E.H.* The Twenty Years' Crisis, 1919-1939. – New York: Harper and Row Publishers, 1964. P.173.
19. *Fassbiner S. D.* Cit. op. P. 101.
20. *Rogers P.* Losing Control: Security in the 21st Century. London? 2010. / См. также: *Standing G.* The Precariat Charter: from Denizens to Citizens. London: Bloomsbury, 2014.

■ Научная жизнь УМЭД ■ Scientific life of the University of world economy and diplomacy ■

ЖАҲОН ИҚТИСОДИЁТИ ВА ДИПЛОМАТИЯ УНИВЕРСИТЕТИНИНГ ИЛМИЙ ҲАЁТИ

бўйича маълумот (2018 йил, июль-сентябрь ойлари)

ЖИДУнинг янги 2018-2019 ўқув йилида илмий-тадқиқот ва инновацион ишлар ҳамда кадрлар тайёрлаш соҳасидаги фаолиятини йўлга қўйиш мақсадида "2018-2019 ўқув йилида илмий-тадқиқот, инновацион ишлар ва кадрлар тайёрлаш самарадорлигини ошириш бўйича чора-тадбирлар режаси" ишлаб чиқилди ва 2018 йил 18 июлда ўтказилган Университет Илмий кенгашида тасдиқланди.

Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2018 йил 7 майдаги "Иқтисодиёт тармоқлари ва соҳаларига инновацияларни жорий этиш механизмларини такомиллаштириш чора-тадбирлари тўғрисида"ги ПҚ-3698-сонли Қарорига асосан Илмий ишлар ва инновациялар бўйича проректор лавозими жорий этилди. Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2018 йил 21 июндаги "Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университети фаолиятини тубдан такомиллаштириш чора-тадбирлари тўғрисида"ги №ПҚ-3794-сонли Қарорига асосан Университетнинг янги тузилмасида илмий-инновацион ишланмаларни тижоратлаштириш бўйича ишларни амалга ошириш мақсадида "Лойиҳалар бошқаруви, маркетинг ва инновация бўлими" ташкил этилди.

ЖИДУ ректорининг 2018 йил 10 августдаги № 350-UM-сонли буйруғи билан Университетнинг Инновацион жамғармаси тузилди. Мазкур буйруқ билан Инновацион Кенгаш аъзолари ҳамда Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университетининг Инновацион жамғармаси тўғрисидаги Низоми тасдиқланди. Мазкур жамғарма фаолиятини самарали йўлга қўйиш мақсадида, Университетнинг Ўзбекистон Республикаси Молия вазирлиги Ғазначилигига юборилган хатига асосан ЖИДУ Инновацион жамғармасига 100 млн. сўм миқдорида пул ўтказилди.

2018 йил июль ойида Университетда амалга ошириб келинаётган Давлат илмий-техник дастурлари доирасидаги грантлардан оқилона

фойдаланиш бўйича Илмий ишлар ва инновациялар бўйича проректор раҳбарлигида Фан ва илмий-педагогик кадрларни тайёрлаш бўлими томонидан мониторинг ўтказилди. Мазкур мониторингда грантлар доирасида амалга оширилган ярим йиллик ишлар, календар режанинг бажарилиши ҳамда мавжуд муаммо ва камчиликлар атрофлича ўрганиб чиқилди. Кўрсатиб ўтилган камчиликларни бартараф этиш бўйича тегишли вазифалар, жумладан, календар режага қатъий амал қилиш ва ўз вақтида ҳамда самарали бажариш, барча ижрочиларнинг фаол иштирокини таъминлаш вазифалари белгиланди.

Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университетининг август ойида ўтказилган Илмий кенгашида Университетининг Инновацион жамғармаси фаолиятини самарали йўлга қўйиш бўйича тегишли фикр-мулоҳазалар билдирилди. Университет ректори томонидан талаба-магистрлар, докторантлар ва профессор-ўқитувчилар ўртасида инновацион ғояларни ривожлантириш ва жамғарма маблағлари ҳисобидан инновацион ғояларни қўллаб-қувватлаш бўйича таклифлар билдириб ўтилди. Янги 2018-2019 ўқув йилида "Энг яхши инновацион ғоялар" танловини ўтказиш ва мазкур танловнинг низомини ишлаб чиқиш бўйича ишлар олиб борилди.

Жорий йилнинг август ойида ООО "Impex Advisor" компанияси билан илмий-ишлаб чиқариш, тадқиқот ва таълим йўналишларида 2018 – 2020 йилларда ҳамкорлик қилиш тўғрисида Меморандум тузилди. Шунингдек, худди шу талқиндаги ҳамкорлик бўйича "Financial advisory and tax consultants group" компанияси билан илмий-ишлаб чиқариш, тадқиқот ва таълим йўналишларида ҳамкорлик қилиш тўғрисида Меморандум тузилди.

17 сентябрь - 1 октябрь кунлари Университет профессор-ўқитувчилари томонидан вилоятлардага маҳаллий ҳокимият вакилларини хорижий хизмат сафарларини муваффақиятли ташкил этиш бўйича ўқув курслари олиб бориш мақсадида сайёр курслар амалга оширилди.

2018 йил сентябрь ойида ЖИДУнинг янги Инновацион кутубхонаси фойдаланишга топширилди. Мазкур кутубхона талабалар ва профессор-ўқитувчилар учун 24 соат мобайнида фаолият юритади. Кутубхона фондини янги адабиётлар билан тўлдириш мақсадида Россия Федерацияси Ташқи ишлар вазирлигининг Москва Давлат халқаро муносабатлар институти (МГИМО) билан халқаро муносабатлар, халқаро иқтисодий муносабатлар ва халқаро ҳуқуқ соҳасидаги янги нашр этилган илмий адабиётларни етказиб бериш бўйича келишувга эришилди.

2018 йилнинг сентябрь ойида Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университетида Фридрих Эберт номидаги Фондниг минтақавий директори Х.Кифер ҳамда ушбу фондниг Ўзбекистондаги офиси раҳба-

ри Н.Резяпова билан учрашув бўлиб ўтди. Музокаралар давомида томонлар ЖИДУ ва Фридрих Эберт номидаги Фонд ўртасидаги шериқчилик муносабатларининг янада ривожланиш истиқболларини муҳокама қилишди. Германиялик вакиллар ЖИДУнинг академик салоҳиятидан фойдаланган ҳолда қўшма илмий лойиҳаларни амалга ошириш, ҳамда германиялик етакчи мутахассисларни жалб қилиш бўйича ижтимоий-сиёсий ва илмий-маърифий тадбирлар ўтказишга катта қизиқиш билдиришди. Фридрих Эберт Фонди вакиллари ЖИДУ қошида фаолият олиб бораётган Халқаро иқтисодий ва сиёсий тадқиқотлар маркази ҳамда Халқаро ҳуқуқий тадқиқотлар ва қиёсий оммавий ҳуқуқи маркази билан ўзаро манфаатли ҳамкорликни ўрнатишга тайёр эканликларини билдиришди.

Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университетининг 12.00.10 – Халқаро ҳуқуқ ихтисослиги бўйича I-курс таянч докторанти У.Якубходжаев "Истеъдод" жамғармаси томонидан Берн университетининг Жаҳон савдо институтига докторантура (PhD) дастури асосида 3 йилга мўлжалланган ўқишга юборилди.

Жорий йилнинг 20 сентябрь санасида Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университетида Мадриднинг Хуан Карлос номли Университети профессори Карлос Уриартенинг "Халқаро муносабатлар тизимида замонавий Испаниянинг тутган роли" мавзусидаги маърузаси бўлиб ўтди. Маъруза давомида профессор XX асрнинг охири, XXI асрнинг бошларида ижтимоий ҳаётнинг турли соҳаларида содир бўлган ўзгаришларнинг сабаблари ва табиати таҳлилига алоҳида эътибор қаратиб, Испаниянинг замонавий халқаро муносабатлар тизимидаги ўрнини ёритиб берди. Шунингдек, испаниялик профессор XX аср сўнгида Испанияда содир бўлган "уч маротаба сакраш" - демократияга, либерал иқтисодий моделга ҳамда Европа интеграция тузилмаларига сакрашни таҳлил қилиш муҳимлигини таъкидлади. Маъруза давомида сўнгги йилларда Испаниянинг иқтисодий ва сиёсий ривожланишининг ўзига хос хусусиятлари ҳам ёритиб берилди. Учрашув якунида талабалар ўзларини қизиқтирган саволларга жавоб олиш имконига эга бўлдилар.

Шу йилнинг 5 сентябрь куни Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университетида Европа Хавфсизлик ва Ҳамкорлик Ташкилотининг (ЕХҲТ) Ўзбекистондаги Координатори Жон МакГрегор билан учрашув бўлиб ўтди. Учрашув давомида юқори мартабали меҳмон 2017-2021 йилларда Ўзбекистон Республикасини ривожлантиришнинг бешта устувор йўналиши бўйича «Ҳаракатлар стратегияси» асосида олиб борилаётган сиёсий, ижтимоий-иқтисодий ва ҳуқуқий ислоҳотлар билан таништирилди. Шунингдек, ЕХҲТ вакили Ўзбекистон Республикаси Президенти Ш.Мирзиёевнинг "Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия

университети фаолиятини тубдан такомиллаштириш тўғрисида"ги Фармони ижроси доирасида Университетда олиб борилаётган улкан ўзгаришлар ҳақида тўлиқ маълумот олди. Жаноб Жон МакГрегор Ўзбекистонда кузатилаётган ижобий жараёнларни юқори баҳолади ва ЕХҲТнинг «Ҳаракатлар стратегияси»да белгиланган ислоҳотларни амалга оширишда ўз ҳиссани қўшишга тайёрлигини яна бир бор таъкидлади. Музокаралар давомида томонлар ЖИДУ ва ЕХҲТнинг Ўзбекистондаги Координатор офиси билан ҳамкорликнинг келгуси истиқболларини муҳокама қилдилар. Жаноб Жон МакГрегор ЕХҲТни ЖИДУ билан яқиндан ҳамкорлик қилишдан манфаатдор эканлигини ва Университет билан ташкилот фаолиятига бағишланган қўшма илмий лойиҳалар, давра суҳбатлари ва конференциялар ташкил қилишга тайёрлигини билдирди. Европа Хавфсизлик ва Ҳамкорлик Ташкилотига (ЕХҲТ) Шимолий Америка, Европа ва Осиё қитъаларига мансуб бўлган 57 та давлат аъзо ҳисобланади. ЕХҲТ - минтақавий хавфсизлик масалалари билан шуғулланадиган дунёдаги энг йирик ташкилотлардан бири ҳисобланди. Ўзбекистон 1992 йилнинг 26 февраль кунидан Европада Хавфсизлик ва Ҳамкорлик Ташкилоти иштирокчиси ҳисобланади. 2006 йил июн ойида Ўзбекистон таклифига кўра Ташкилот Доимий кенгашининг Ўзбекистонда ЕХҲТ лойиҳалари мувофиқлаштирувчиси офиси ташкил этилиши тўғрисида қарори қабул қилинди. Шу йил июл ойида Ўзбекистонда ЕХҲТ лойиҳалари мувофиқлаштирувчиси лавозими ташкил этилиши тўғрисида Ўзбекистон Республикаси Ҳукумати ва ЕХҲТ котибияти ўртасида Меморандум имзоланди. Ҳамкорликнинг ушбу кўриниши Ўзбекистон томони учун муҳим аҳамиятга эга бўлган лойиҳалар ва Ўзбекистон ва Ташкилотнинг ўзаро таъсирини кучайтиришдаги ЕХҲТ фаолиятини бир жойга жамлаш имконини берди.

Халқаро муносабатлар факултетининг тўртинчи курс талабаси Шахноза Шамсуддинова 2018 йил 22-29 сентябрь кунлари Дубай шаҳрида бўлиб ўтган "Гарвард етакчилари" дастурида иштирок этди. У Жанубий Осиё, Африка, Марказий Осиё ва Яқин Шарқ минтақаларининг 1750 нафар иштирокчиси орасида танланган 70 нафар иштирокчисидан бири. Дастур ривожланаётган минтақалардаги ёшларни келгусида етакчилар бўлишига кўмаклашишдан иборат. Шу мақсадда Гарвард университетининг профессорлари билан бир ҳафталик дарс, шунингдек, бизнес, иқтисод, технология ва сиёсат соҳасидаги етакчи раҳбарлар ва мутахассислар билан очиқ суҳбатлар ташкил этилди. Дастур якунида иштирокчиларга Гарвард университети профессори томонидан сертификатлар топширилди. Ҳозирги кунда Ш.Шамсуддинова ушбу дастурнинг Ўзбекистондаги расмий элчиси сифатида тайинланди.

МЕТОДИК КАБИНЕТ

■ Методический кабинет ■ Methodical cabinet ■

ЖИДУ раҳбарияти ва "Халқаро муносабатлар/Международные отношения" журнали таҳририяти мазмунан ва концептуал янгиланган журнални чоп этишга киришмоқда. Тажриба шуни кўрсатмоқдаки, аксарият муаллифлар, айниқса, ёш тадқиқотчилар (докторантлар)нинг илмий изланиш жараёнларини ташкил қилиш, олиб бориш қонун-қоидалари, тартиблари билан таништириш лозим экан. Бундан ташқари, улар журналимиз савиясига бўлган янги концептуал ёндашув ва турли рукнларимизнинг мазмун-моҳиятини ҳам яхши англамаган кўринадилар. Шуларни эътиборга олган ҳолда, таҳририятимиз ***«Методик кабинет»*** *деб ном олган янги рукнни жорий этишга қарор қилди. Бу рукнда журналимиз мавзусига доир бўлган, ҳамда илмий тадқиқот ишларини ташкил этиш ва амалга ошириш тартиботлари, монография, илмий мақола, тезис, маъруза, эссе ёзиш тартибларига оид турли маълумотлар беришни режалаштирганмиз.*

«Халқаро муносабатлар/Международные отношения» журналида нашр этиладиган мақолаларнинг савиясига нисбатан қўйиладиган талаблар

«Халқаро муносабатлар/Международные отношения" журнали фанлараро ва илмий-назарий характерга эга. Журналда халқаро муносабатлар тарихи ва назарияси, халқаро ҳуқуқ ва жаҳон иқтисодиёти фундаментал муаммолари, Ўзбекистоннинг ҳозирги жаҳон сиёсатида тутган ўрни ва роли, халқаро ва минтақавий хавфсизлик масалалари, халқаро тадқиқотлар назарияси, услубиёти ва амалиёти, халқаро мунособатлар бўйича мутахассислар ва дипломатик кадрлар таёрлашда илғор миллий ҳамда жаҳон тажрибаси ва журналимиз мавзусига доир бўлган бошқа материаллар нашр этилади. Мақолалар таҳлилий ва муаммовий характерга эга бўлиши шарт. Уларнинг илмий аппаратига алоҳида эътибор қаратилиши керак. Ушбу ўринда мақоланинг ***«илмий аппарати»*** *тушунчасининг мазмун-моҳиятига қисқача таъриф бермоқчимиз:*

Илмий аппарат деганда, илмий тадқиқотни амалга оширишга имкон берадиган мантиқий фикрлаш изчиллиги, шу асосда бажариладиган операциялар кетма-кетлиги тушунилади. Тўғри ташкиллаштирилган илмий аппарат тадқиқотчига танлаб олинган мавзу бўйича илмий изланишлар-

ни амалга оширишга имконият яратиб беради. Илмий аппарат мавзу танлаб олиниб тасдиқланганидан кейин шакллантирилади.

Одатда, илмий аппарат шундай кўринишга эга бўлади:

- *тадқиқотнинг* ***стратегик йўналишлари*** *(мавзу доирасида мавжуд зиддият(лар)ни аниқлаш ва улар негизида пайдо бўладиган муаммони белгилаб олиш, шундан кейин тадқиқот мақсадларини ифодалаш);*
- ***технологик операциялар*** *- тадқиқот объектини, предметини, ишчи гипотезани, тадқиқот негизидаги вазифаларни, манбаларни ифодалаш;*
- ***аналитик операциялар*** *- тадқиқот мавзусининг илмий жиҳатдан янгилиги, тадқиқот учун асос қилиб олинаётган фикр-мулоҳаза (гипотеза)ларнинг назарий ва амалий жиҳатдан аҳамияти, ҳимояга олиб чиқилаётган асосий ғоялар, тадқиқот натижаларининг ҳаққонийлиги, апробацияси ҳақида мухтасар маълумотлар берилиши жоиз.*

Мақолада юқоридаги талаблар мухтасар ҳолатда ифодаланиши керак.

Таҳририятга тақдим этиладиган материаллар қуйидаги асосий шартларга жавоб бериши лозим:

1. Мақоланинг матни Word 2003 вариантида тайёрланиши.

2. Шрифт - Times New Roman, шрифт кегели (ҳажми) - 14 бўлиши.

3. Сатрлар орасидаги масофа 1,5 бўлиши.

4. Диаграмма, расм ва жадваллар фақат оқ/қора ёхуд кулрангда берилиши.

5. Мақоланинг тузилиши қуйидагича бўлиши керак: аннотация (2-3 абзацдан ошмасин), кириш, асосий қисм, хулоса, фойдаланилган адабиётлар.

6. Иқтибосларни мақоланинг охирида эмас, балки матн ичида келтирилган тартиб бўйича бериш керак.

Адабиётларга берилган ҳаволалар [1], [2], [3], тартибида берилади, адабиётлар мақоланинг охирида худди шундай тартибда кўрсатилади.

7. Мақоланинг умумий ҳажми 15 бетгача, тезислар учун - 7 бетгача.

8. Муаллиф(лар)нинг исм-шарифи, иш жойи, илмий унвони, илмий даражаси, мулоқот учун маълумотлар аниқ кўрсатилиши керак.

9. Мақолалар фақат электрон вариантда онлайн режимида ***http://uwed.uz/ru/applicant-article*** *электрон манзил бўйича қабул қилинади ва рўйхатга олинади. Таҳририят ходимлари мақоласини нашр этмоқчи бўлган муаллифлар билан бевосита мулоқотга киришмайди.*

Материалларни тайёрлашда журналимизнинг тахминий мавзулари билан танишиб чиқиш тавсия этилади. Таҳририятимизга келиб тушган мақолаларнинг чоп этилиши ёки чоп этилмаслиги ҳақидаги қарорни ***Таҳрир ҳайъати*** *қабул қилади.*

МЕТОДИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

■ Методик кабинет ■ Methodical cabinet ■

Руководство УМЭД и редакционная коллегия журнала «Халқаро муносабатлар» приступают к изданию концептуально обновленной версии журнала. Опыт работы показывает, что многие авторы, прежде всего молодые (исследователи, докторанты), недостаточно хорошо понимают стратегию и тактику, принципы ведения исследовательской работы, более того, неточно представляют себе новые концептуальные подходы к уровню нашего журнала, не имеют представления о сущности и назначении отдельных рубрик. Учитывая эти обстоятельства, редакционная коллегия приняла решение открыть рубрику ***«Методический кабинет»****, где будет размещаться информация, имеющая отношение как к тематике нашего журнала, так и к подготовке научных исследований и написанию научных материалов (статьи, монографии, тезисы, доклады, эссе).*

Основные критерии к уровню научных статей, принимаемых к публикации в журнале «Халқаро муносабатлар»

Журнал носит междисциплинарный, научно-теоретический характер. К публикации принимаются материалы, касающиеся фундаментальных проблем истории и теории международных отношений, международного права и мировой экономики, затрагивающие актуальные вопросы о роли Узбекистана в современном мире, региональной и международной безопасности, теории, методологии и практики международных исследований, передового отечественного и зарубежного опыта в сфере подготовки высококвалифицированных специалистов-международников и дипломатических кадров, а также другие темы, отвечающие профилю нашего издания. Статьи должны иметь проблемный, аналитический характер. Особое внимание следует уделять научному аппарату. К сведению претендентов напоминаем, что такое научный аппарат.

Научный аппарат *– перечень последовательно совершаемых логико-познавательных действий (операций), обеспечивающих выполнение самого исследования. Научный аппарат организует поисковую деятельность и упорядочивает ее. Он формируется сразу после выбора темы и ее обоснования на основе анализа литературы и зондажного изучения практики. Обычно научный аппарат исследования представляется в следующем виде:* ***стратегические операции****: поиск противоречия, выявление проблемы, определение цели;* ***технологические операции****: объект исследования,*

предмет исследования, гипотеза исследования, задачи исследования, источники исследования, база исследования, методы исследования, этапы исследования; ***аналитические операции:*** *научная новизна исследования, теоретическая значимость исследования, практическая значимость исследования, положения, выносимые на обсуждение, достоверность результатов исследования, апробация результатов исследования.*

К статье приложите, пожалуйста, следующие сведения о себе:

1. *Фамилия, имя, отчество автора (полностью).*
2. *Организация (название полностью).*
3. *Должность.*
4. *Ученое звание.*
5. *Ученая степень.*
6. *Адрес (с индексом).*
7. *E-mail, факс, телефон.*

Главные критерии к содержанию статьи:

- *актуальность с научной и практической точек зрения,*
- *новизна постановки вопроса или раскрытия темы,*
- *фундаментальность проработки темы,*
- *аргументированность выводов,*
- *доступность и четкость изложения.*

* * *

Рукопись, представляемая в редакцию, должна отвечать следующим стандартным условиям:

– текст готовить по версии Word 2003 года;

– использовать шрифт Times New Roman, размер шрифта - 14 кегль; междустрочный интервал - 1,5;

– структура рукописи: аннотация (не более 2-3 предложений), введение, основная часть, заключение, использованная литература;

– диаграммы, рисунки, таблицы давать только в черно-белом цвете либо с использованием серых оттенков;

– сноски в тексте нумеровать по порядку надстрочным индексом; ссылки на литературу нумеровать по порядку [1], [2], [3]; литературу привести в конце статьи точно так же;

– объем статьи не должен превышать 15 стандартных страниц.

Статьи принимаются в электронном формате и регистрируются в режиме онлайн по адресу ***http://uwed.uz/ru/applicant-article****. Личные контакты не приветствуются.*

* * *

Решение о публикации статей, поступивших в редакцию, принимает ***редакционная коллегия****.*

www.uwed.uz

UWED